

84 (2 POC = M ...)

L1 #51

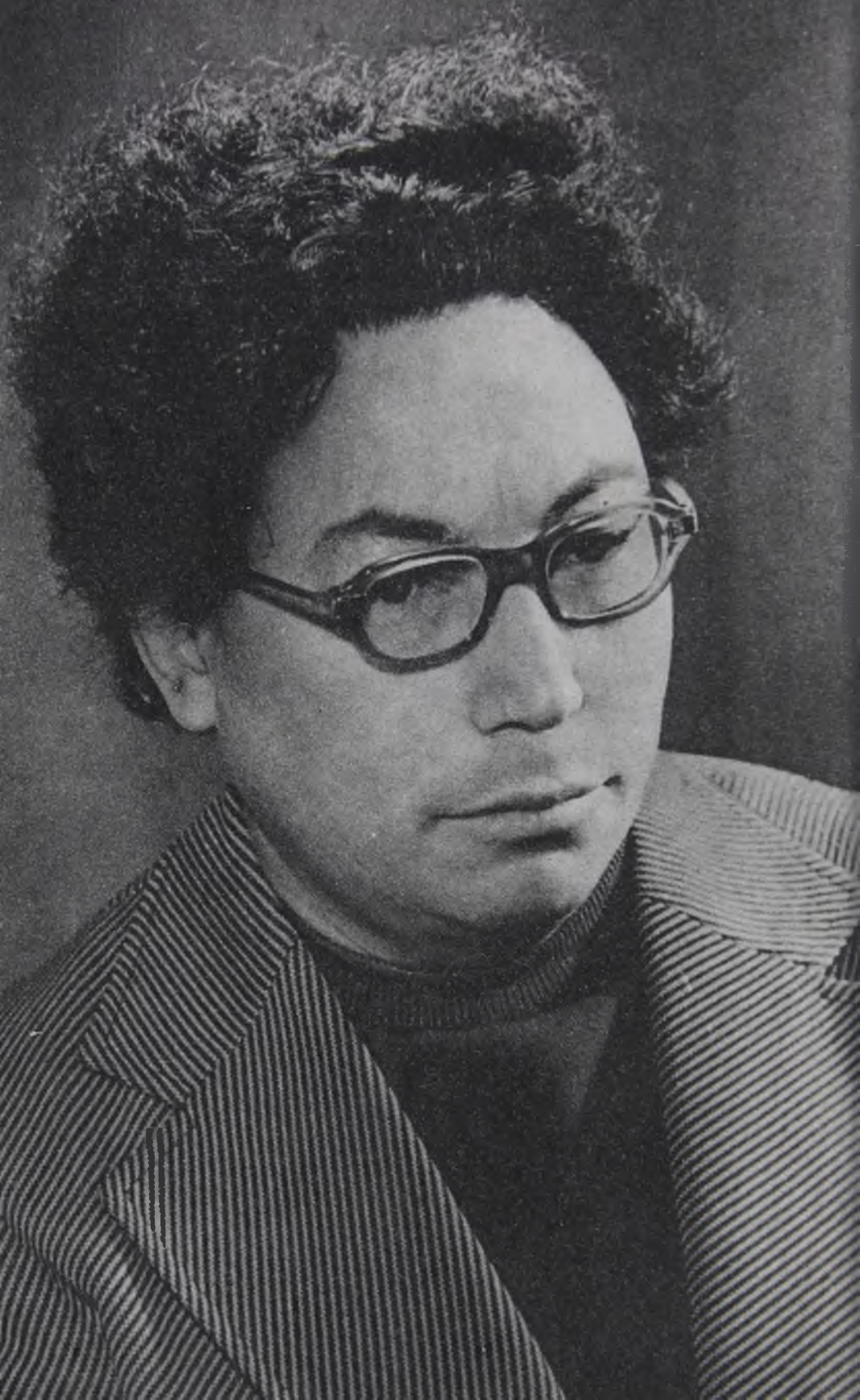
ЮВАН
ШЕСТАЛОВ

СЛОВО
ГИПЕРБОРЕЯ

Учен. фонд. музей
Иркутский
14/10/85.

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

СЛОВО ГИПЕРБОРЕЯ

Типерборейо —
СТИХИ

Новомиру Борисовичу
и Бошме Севежа

Перевод с манси

Клавдию Андреевче...
да зобрую
наимяиъ

От автора
Ювана

Мелетане

02.02.87.

г. Ханты-Мансийск.

Москва • 1984

С(Сиб)
Ш51

Рецензент
Г. СЕРЕБРЯКОВ

Шесталов Ю. Н.

Ш51 Слово Гиперборея: Стихи/Пер. с манси.— М.: Современник, 1984.—310 с; ил.; портр.— (Библиотека поэзии «Россия»).

В пер.: 1 р. 30 к.

Лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького мансийский поэт Юван Шесталов прочно вошел в российскую литературу со своим кругом тем и образов, неразрывно связанных с песенно-языковыми традициями, с живым и одухотворенным ощущением отчей земли, суровой северной природы.

В этот сборник вошли лучшие произведения поэта.

420237000—118

Ш————— 272 —84

М(106)03—84

ББК84Р7
С Ма

013579-

Государственная
библиотека
Югры

© Издательство «Современник», оформление, 1984.

РФ

Молчит, а со всеми разговаривает
о разных временах
на всех языках...

— Книга.

Северная загадка

ПОЛЯРНЫЙ ПРОМЕТЕЙ

* * *

Все блестит, на что ни взглянешь.
Снег хрустит, куда ни встанешь.
Россыпь звезд поддев рогами,
Лунный серп звенит над нами.
Дремлет небо все в узорах,
Слышен сосен сонный шорох.
Что за снежный вихрь клубится?
Кто там в лунных искрах мчится?
То бегут мои олени
С новым словом для Вселенной.

Как море — снег. Сугробов гребни
лежат загадками вдали.
А чум — как бы старик волшебник
в оленьей шкуре до земли.
Земли и неба звездный праздник
искрится шкурою бобра.
Звезда Полярная не гаснет —
сиять ей в небе до утра!
Но свет небесный греть не может —
вернусь я в круг друзей своих,
где правда ценится дороже
всего — дороже олених!
Олень в упряжке познается,
а человек — в пути, в пургу...
Как учащенно сердце бьется!
Я — у себя, я — на снегу!

На Севере луна особая.
День и ночь на небе висит она.
То белым бубном висит, волшебю позванивая,
то сeryю поблескивает.
Сияет луна — и снег неспокойно искрится.
И точно легкие волны по небу плещут.
И по сердцу легкий трепет...
Трепет грусти, печали качнет волну надежды,
любви, счастья...
Лунные грезы, лунные сны, лунные настроения,
лунные чувства.
Говорят, любовь под северной луной острее...
Не знаю, правда ли это.
А что под круглой северной луной тревожно —
сущая правда.
Особенно в длинную полярную ночь,
когда луна сутками стоит над головой.
И в сердце вечный лунный прилив.
Прилив без отлива.
В полярную ночь нет спасения от луны.
Лишь любовь, дума, работа
спасают человека от лунных грез.

РУССКАЯ БЕРЕЗКА

В морозном небе звезды хохлятся,
Лучами зябкими звеня,
А ей, березоньке, не холодно —
Пригелась в сердце у меня.
Теплей и сердцу с русским деревцем,
Не страшно встретиться с пургой,
Куда оно, пустое, денется
Без этой ноши дорогой?

Снега лежат,
А сердцу хочется
Заслышать легкие шаги.
В морозном небе звезды хохлятся...
Как ночи зимние долги!

Хочу, чтоб звезды мне напомнили
Сиянье глаз березки той,
Чтоб были сны мои наполнены
Ее лебяжьей теплотой!
Пугай, зима, гляди волчицею,
Бураном вой, гуди в трубе.
Я сберегу березку чистую,
Я не отдам ее тебе!

* * *

Я стою в унынье на Полярном круге.
Имя мое легкой кружится снежинкой.
Имя мое сплетня треплет по округе,
Имя мое ветер носит, как пылинку.
Вот оно с болтливых языков свисает!—
Всюду меня знают, всюду величают...

От соблазна легкого, ох, куда мне деться?
Птицы моей мудрости, просыпайтесь, ну-ка!
Где вы там заспались, может, возле сердца?
Может, возле слова? Может, возле уха?
На Полярном круге я тоскую, птицы.
Но граница тундры не судьбы граница!

Если славен Север славою высокой,
То могу ли славой легкой обмануться?
Я еще отвечу сплетницам-сорокам!
Об успех болтливый ноги не споткнутся!
Послужите тундре, голова и руки!
Я стою в унынье на Полярном круге.

По сугробам пойду,
По Полярному кругу,
Где вожди проходили
Ушедших племен,
Духу мудрости веря
Как лучшему другу.
Будет в тундре бескрайней
Мною путь проторён.
Будет страшно идти
Под полярною ночью,
Той, что колет глаза и сбивает с пути.
Не нашел я к познанию дороги короче,
А по этой не каждый сумеет пройти.
Я пробьюсь сквозь пургу по дороге страданья,
Оживут тени предков — сомкнутся в кольцо...
Словно нитка рассказа — их воспоминанья.
И в душе моей тронется вдруг колесо.
И качнется, качнется, мотая на ступицу
Эту нить, эту исповедь черного дня.
И быть может, в тот миг все страданья искупятся
Мудрым словом, внезапно вошедшим в меня.
И тогда на ветру, обжигаемый стужей,
Я сквозь колкие слезы продолжу свой путь,
Чтобы слово народа, запавшее в душу,
Будто чуткое эхо, обратно вернуть.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

Вьюга, как собака, лает,
Черная, цепная,
Лихо пляшет, снег швыряет
Вьюга ледяная.
Вьюга в поле кружит рьяно —
Голос зол и звонок...
...В тихой люльке берестяной
Закричал ребенок.
Вьюга воем на рассвете
Мальчика встречала,
Первый крик его на свете
Не перекричала.
Словно он уже гордится:
«Вот какая сила!»
Словно он уже грозитя:
Что, мол, победила?
За окошком вьюга пляшет,
Снег в пригоршнях носит,
У дверей собака наша
Воет на морозе.
Куропатки улетают,
Их заносит вьюга,
Ветер и мороз гуляют
В чаще — как два друга.
— Мой горластый, уколиций,
Ты зачем родился?
В мир тайги, где ветер злится,
Ты зачем явился?—
Стонет мать, и в горьких звуках
Боль ее и сила.

Темной ночью в тяжких муках
Сына мать родила.

На полу, где иней талый,
Там рождаются дети.
Сколько горя испытала
Мать моя на свете!

Вьюга выла, вьюга злилась,
Вихри бьют, упрямы.
Радость, как цветок, раскрылась
На губах у мамы.

Нежность, радости, печали,
Снежное ненастье...
Люди, вы бы мне сказали,
Что такое счастье?

Может быть, в улыбке тихой,
В светлой женской боли,
В жгучей вьюге, что волчихой
Рыщет в чистом поле?

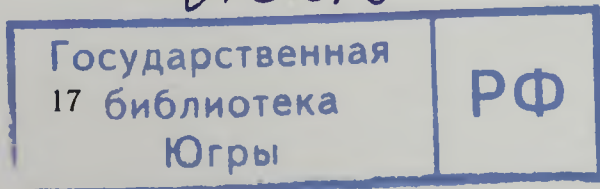
Может, счастье здесь таится?
Все я принимаю...
Станет мальчик с бурей биться,
Пробираясь к маю.

Станет падать, подниматься,
Путь искать среди ночи,
Станет плакать и смеяться...
О, как жить он хочет!

НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

Холодный свет,
мертвым криком тишину сломав,
струится над снегами.
И земля лежит как мертвая луна,
покинутая людьми когда-то...
И все кругом как отражение смерти.
Но в ледяном потоке лунной седины
мерцают яркие, живые искры.
То тени предков и призраки грядущего,
играя звездным светом,
пляшут танец жизни.
Жизнь на небе.
На снегу небесном
души ушедших
пылают звездными кострами.
К ним навстречу рвется моя душа.
Я пытаюсь расшевелить снег воспоминаний,
из грез вызывая утраченное время
и язык отцов,
журчавший живой водою...
Все оледенело.
Минуло на земле
языческое время.
И глубокая тишина
не может молвить
слова утешения...
В морозном блеске тяжестью на сердце
лежит земля, оваянная снами предков.

- 013.579-

Но чувствую, что я дышу.
Могуч и сладок воздух.
Я слышу смех и русский говорок,
оживший в стороне,
где в тишине искристой
горит костер геологов.
Первопроходцы! Товарищи мои!
Я к ним иду,
приветствуя за свет,
за теплый огонек
в глазах веселых.
Я буду жить среди людей,
добытчиков огня
и новых сказок!

ВЫЗОВ СОЛНЦА

Солнце, взгляни из тьмы.
Из холодной тьмы полярной ночи
подними свои ресницы.
Солнце, взгляни из тьмы.
Жаль мою собаку.
Она застывает, бедняжка...
Даже ослепнуть может
в темноте полярной ночи.
Открой ресницы золотые,
одари нас солнцем, теплом и светом.
И мы в долгу не останемся.
Ждет тебя давно подарок.
А какой — узнаешь.
Ты сначала открой ресницы золотые.

ПОЛЯРНЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Вот идет он, Вечный Прометей,
По снегам, по топям, и по льдам,
И по стуже, жгущей до костей,
И по ночи черным погребам.

Меховая роба и унты
Крепки у добытчика огня.
Звезды он срывает с высоты,
Каской о Вселенную звеня.

Буровые двинулись вперед —
То стальные ноги у него.
Каждый нефтяной трубопровод —
Руки необъятные его.

Слышишь, как шагает Прометей,
Как шаги железные гремят?—
Искры у него из-под бровей
Над промерзшей тундрой летят!

Волнами расходится кругом
Свет в полярной ненасытной мгле,
Согревая каждый-каждый дом,
Все живое на большой Земле.

Говорят, уже когда-то нес
Этот славный Вечный Прометей
Пламя, что до самых поднял звезд
Он рукой могучею своей.

Говорят, Вселенная тогда
Вздрыгнула, свершая вечный круг:
Пламя Прометея, как звезда,
Рядом с солнцем засияло вдруг.

Он пылал как сердце, тот огонь,
Раздобытый из кромешной мглы,—
И, боясь приблизиться,
Лишь стон
Издавали черные орлы.

Он сжигал неверие людей
В торжестве величья своего!
Вот идет Полярный Прометей —
И летит
Сиянье
От него!

ДОБЫТЧИКИ

Где охотник по земле железной
Под сияньем северным прошел
И, полтундры лыжами изрезав,
Драгоценных слитков не нашел,
Ты, разведчик, первооткрыватель,
Постучав в седую дверь земли,
Отыскал своей стране на счастье
То, что мы увидеть не смогли.
Оживил ты мертвый черный камень —
И руды таинственный металл
Изумленьем солнечным предстал.
В нем — огонь полярного сиянья,
Легкость снега, звонкость января,
В нем кружится наше мирозданье,
Голубыми звездами горя.
Оживитель солнечного камня,
Я желаю, чтобы, вас храня,
Эта ночь полярная над вами
Превратилась во сиянье дня.
Пусть гремят грома над тундрой нашей,
Но не злою молнией свистя —
Чтоб в руках не расплескалась чаша
Золотого светлого литья!
Племя, оживляющее камни,
Пусть живет и здравствует вокруг —
Вечно, как полярное сиянье,
Знаменито, как Полярный круг!

ХВАЛА СЕВЕРУ

Белыми песцовыми снегами,
Нежными и снежными песцами,
Всеми драгоценными камнями,

Что сквозь землю светятся огнями,
Синими морозами крутыми,
Северным сиянием над ними
Ты богат, могучий славный Север.

Небо красноватое играет —
Будто там бруснику собирает,
Мажет ею огненные тучи
Ставший на дыбы медведь могучий.

Пляшет золотистыми столбами,
Плещется искристыми цветами
Это электрическое пламя
Вечного сияния над нами.
Огнедышаш и могуч ты, Север,
Наш прекрасный, белый-белый Север.

Видно, кто-то, нашим песням внемля,
Опустил сияние на землю,
Если в ней Россия отыскала
Пламя, что священо запылало.

День и ночь, как мамонты живые,
По земле шагают буровые,
Как упряжки длинные олени,
Мчат газопроводы сквозь селенья.
Сквозь леса и тундру, через горы,
Через злые топи Самотлора.

Ты, огня хранитель, славный Север,
Наш прекрасный, белый-белый Север.
На любой твоей снежинке тайной —
Отблеск голубой звезды Полярной,
А в родной твоей улыбке каждой —
Наша человеческая жажда
Радости невиданных открытий,
К звездам фантастических отплытий.

Ты богат творцами, мудрый Север,
Наш прекрасный, белый-белый Север.

ДУМА ФИЛИНА

Я — филин — мохнатые уши.
Я — филин — пестрые глаза.
Я — филин — ночная дума.
Я — филин —
сiju
на вершине высокого дерева.
Сiju.
Прислушиваюсь.
Прислушиваюсь чуткими ушами к земле.
Земля трясется.
Говорят, герои по ней идут.
Земля обновляется.
Говорят,
там, где стояли великаны деревья,
великаны дворцы вырастают.
На большом дереве сiju,
думаю большую думу:
«Не забыли ли вы про меня?
Где буду жить я?
Я — филин — чуткие уши.
Я — филин — зоркие глаза.
Я — филин — ночная дума».
Сiju, прислушиваюсь, смотрю.
А над тайгою — фонтаны черного золота.
А над тундрой — факелы голубого огня.
Фонтаны-факелы
так сияют-пылают,
что северное сияние меркнет,
бледнеет лицо луны,
тускнеет свет белой ночи.

Однажды сквозь лязг железа слышу:
— Эй, филин — мохнатые уши,
жив ли ты?
Вылезай из чащи!
Сложен дом и для лесного зверя.
Свито гнездо и для таежной птицы.
Филин — мохнатые уши,
филин — пестрые глаза,
филин — ночная дума,
послушай друзей!
И тебя, ночного, не забыли.
Оставили тебе большой кусок леса.
Ввели закон об охране Филина.—
Я — филин — мохнатые уши.
Я — филин — пестрые глаза.
Я — филин — ночная дума —
говорю им:
— Спасибо, что не срубили
мое высокое дерево,
не сорвали
мою ночную думу!

* * *

Глотнем вина...
Как будто мысли
Задернем черной пеленой.
Как представление о жизни
Искажено под гул хмельной!
Словоохотливый, развязан
Язык и склонен к похвальбе.
И мир бесформен и размазан,
Как сигарета на губе.

Глотнем вина...
И мысли наши,
Как без хозяина олень,
Без цели, смысла и поклажи
Пробродят, жалкие, весь день.
И недостойные желанья,
Как мусор, поверху кружась,
Сердечные воспоминанья
Затмят.
Ужасна эта грязь.
Так почему же, почему же
К столу, бутыль завидя там,
Гурьбой садимся неуклюже?
Кто подрезает крылья нам?
И потираем жадно руки,
И шутим плоско, и спешим
Наполнить рюмки, словно скуки
Боимся, папиросный дым
Глотая...
Выпьем — и забудем.

Себя забудем, может быть.
Откуда эта жажда в людях
В себе все лучшее забыть?
Свой свет высокий забывает
Вина хлебнувшая душа.
Но знаю я: вино бывает
Другим.
Спокойно, не спеша
Пьет человек в застолье дружном
И видит мир чуть-чуть острее,
И языком, себе послушным,
Владеет прочно, и друзей
Пленяет точными словами.
Ни злость не льнет к нему, ни лесть.
Он не уронит перед вами
Свое достоинство и честь!

ЗАКЛИНАНИЕ МАТЕРИ

О, дорогое дитяtko мое,
свет моих глаз,
сердечко золотое,
моя родная птичка-невеличка,
а ну — лети!
Лети над светлым миром,
среди людей Земли
живи, красуйся!
В погоне быстрой зверя догони,
взрасти семью сынов и дочерей,—
пусть пляшет огненными языками
костер великий,
что зажжен тобой,
пусть он пылает северным сияньем!
Построй жилище — теплое гнездо,
людей объедини в семью большую,
будь посохом идущего пешком,
в руке лихого всадника будь плеткой!
Живой незамерзающей водой —
будь жизни родником
для Человечества!
Свет ненаглядных глаз, свети, свети!
Стучи, стучи, сердечко золотое!
Возлюбленное дитяtko мое,
а ну — иди!

* * *

Кайсыну Шуваевичу Кулиеву

Я не знаю, отчего-то
У меня одна забота!
Мне бы с доблестью жить в мире,
Мне бы вдаль шагать все шире,
Только чтобы сердце пело,
Чтоб любовь в груди кипела!
Мне бы мудрость человечью
Сохранить в веселой речи,
В важном деле и в пирушке,
В громе туч и в звоне кружки,
В чертовом круженье вьюги,
В солнечных глазах подруги!
Мне копить бы год за годом
Слово, данное народом,—
Петь про небо и про травы,
Разорвав пеленки славы!..
Так бы вот и жить, и жить бы,
Ясность думы сохранить бы:
С чистой думой,
С ясной целью
На земле творить веселье!—
У меня одна забота,
У меня одна работа...

СОЛНЦЕ

Кончив в тундре прятаться,
Все лучами жаркими
То к оленям ластится,
То играет с лайками,
То на чум,
Как водится,
Где огонь качается,
Смотрит — не насмотрится,
Не наулыбается.
Даже солнцу красному,
Видно, очень радостно
На земле стать праздником
После ночи тягостной!..

Восходит солнце, женщиной хохочет.
Галдят ручьи, снег тает, хоть не хочет.
Уносит глыбы льда
Реки оживший плес.
Как пляшут рыбы!—
Миг икрометанья...
И юноши слабеют от желанья,
От ликования весенних грез.

Не воздух, а настой из пробужденья.
Глухарь токует в брачном нетерпенье.
Из почек лопнувших
Уходят листья в рост.
Страсть продолженья жизни,
Ожиданья.
И девушки слабеют от желанья.
От ликования весенних грез.

Горячий дух любовного цветенья
Сплетает руки, губы и растенья.
Дурман надежды, дождь счастливых слез.
И с каждым днем природа зеленее
И яростней...
И с каждым днем сильнее
Ликует юность от весенних грез.

Я сгорал в огне метелей,
В горе, в радости слепящей,
Снегом был на ветках елей,
Превращался в лед хрустящий.
Бился в лапах тьмы полярной,
Но, восстав из мглы и жути,
Дням весенним благодарный,
Возрождаюсь в новой сути.
В новой сути, в новой плоти:
Я — птенец в гнезде; я — колос,
Я — во всем...
Вы узнаете
Своего поэта голос?
Я — река, я — звон ручья,
Я — дыханье хлеба,
Я —
Человек — венец творенья,
Я — мое стихотворенье.

Что за весенние мысли сегодня?
Нет и следа в них травы прошлогодней,
Белые лебеди машут крылами,
Реют — грядущего лета послами.
Вот примеряет березка сережки,
Юные травы вдоль старой дорожки
Землю проклюнули,
Бойко глядят,
Ноги счастливые мне холодят.
Край мой!
Я тоже новорожденный!
В блеске росы,
В колыбели зеленой,
Вместе с землей пробудившийся,
Я
Чую сладчайшую боль бытия.
Хмурый мой край!
Под слепящей пургою
Как утаил ты чудо такое?
В ярости вьюги —
Подозреваю —
Был я слепым,
А теперь прозреваю.
Все, что имею, — весну и зарю,
Люди,
Хотите,
Я вам подарю?

НЕБО И ЗЕМЛЯ

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь.
Как хлынувшая песня,
На землю льется дождь.

Он — в листьях крутобоких.
Как будто пьют они
Из рюмок длинноногих.

Увидев: дождь идет,—
Как девушки, деревья
Собрались в хоровод.

Пойду, как на ходулях,
На струях дождевых
В страну воспоминаний,
Как этот дождь, живых.
Похожи на подвески
Хрустальные они.
Текут в холодном блеске —
Лишь руку протяни.
Люблю их быстротечность,
Их длительность постиг.
Как будто прожил вечность.
Как будто прожил миг.
Дней прежних впечатленья!
Конца не видно им!

Но что они в сравненье
С потоком дождевым!
Несметное собранье
Тьмы капелек, и все ж,
Коль есть воспоминанье,
То это есть и я. О дождь!
Пускай ни в хороводе,
Ни в трепете листвы,
Ни в памяти мелодий
Мне места нет, увы,—
А все ж на длинноногом
Дожде, как все дожди,
Смогу сказать о многом
И далеко зайти
Вперед, а может статься,
Под шум и листьев дрожь
Когда-нибудь добратся
И до себя. О дождь!

Мне снился детский сон: сверкание речушки,
И девичьим смешком плескалась в ней вода.
И снились утки мне — крылатые игрушки,
Качался в лодке я, как в давние года.
Зачем река течет, мне сердце обмывая?
Откуда этот смех девчоночий в ушах?
И тихий этот плеск! Откуда грусть такая?
И утки над рекой? И лодки на волнах?
Мне снился детский сон. Неужто лучше сказок
Не будет у меня? Неужто небосклон
Померк — и никогда не будет ярче красок?
Неужто детство наше — один счастливый сон?

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небо и земля. На земле — снег. Ничего, кроме снега.
На небе все. И луна, и звезды, и северное сияние.
Небо играет. Там жизнь. Там красота.
А на земле морозно. Снег скрипит.
Охваченное стужей,
потрескивает маленькое карликовое деревце.
Рядом стою я, мальчик манси.
Мне тоже холодно.
Наверху, что глаз олений,
звездочка блестит.
Каждой веткой в отдалении
лунный лес звенит.
Звон все ближе, стужа злее,
пальцы сведены.
К сердцу тянется, синяя,
острый луч луны.
Луч скользит через сугробы,
кажется: вот-вот
ледяным цветком навеки
сердце прорастет.

* * *

Небо играет. На земле морозно. На земле — снег.
На снегу — я. Я не одинок.
У меня есть друг. Мой друг — собака.
Она большая, как и я.
Зря говорят, что щенок.
Вон как лает! Звонко, задиристо лает.
А глазами улыбается, ко мне льнет, ласкается.

Собака моя добрая. Никого зря не укусит.

Собака моя умная.

Если я пойду, она пойдет со мной.

А я хочу пойти далеко-далеко, где живет большой добрый
огонь.

А я хочу пойти высоко-высоко, до самого неба,
чтобы принести северное сияние на мою землю.

Я хочу принести лето.

Я хочу, чтобы было тепло, светло, высоко!..

* * *

Над водой проносятся косяки уток,
задевая острыми крыльями гладь реки.

Над зеленой поймой, как в колыбели, качаются тяжелые
гуси.

Лебеди курлычут, выводя песню о чем-то сокровенном,
вечном,
всеобщем в этом мире.

Кулички суетливо посвистывают каждый о своем.

Квакает лягушка. Выпь вопит зловещим голосом.

Гагара где-то стонет. Только кедр молчит.

Он стоит над крутым берегом, раскинув колючие ветви,
будто глубоко задумавшись.

Может, он думает: «Почему такое короткое лето?»

Почему его надо ждать долго-долго?

А придет — как приснится. И нет его.

Почему жаркое лето улетает в небо, зажигая там яркое
северное сияние?

Почему живем мы на холодной земле?

Почему настоящая жизнь где-то далеко-далеко, высоко-
высоко?..»

* * *

В небе играет огонь.

Мне хочется посидеть у этого красивого огня.

Но сколько помню себя, мы живем на берегу холодной реки.
Река большая, широкая. Но она закована в ледяной сон.
И деревья стоят как мертвые.
На земле — снег. И ничего, кроме снега.
На небе — все. И луна, и звезды, и северное сияние.
Небо играет. Там жизнь.

* * *

А я тоже живу. Давно живу. Вечно живу.
У меня есть мама. Мама моя большая женщина, очень
румяная женщина.
А запоет она — даже вечный снег начинает таять.
Зазвенят, зажурчат ручьи.
Весна на землю наконец приходит.
Только мама моя почему-то редко поет.
Все смотрит на меня печальными глазами.
Потому, наверно, весна так долго
не приходит...

* * *

Лодка — моя колыбель — качается на воде.
Солнце — моя колыбель — качается в небе.
Вода живая, искрящаяся,
Поет как мама.
У воды своя волшебная песня.
Своя непохожая жизнь.
Вот мелькнула, сверкая чешуей,
Стайка сосьвинских селедок.
За ними следом щука прорезала воду,
Сверкнув молнией над серебряной струей.
И стая золотых окушков,
Рассыпавшись пригоршней сверкающих монет,
Растаяла в темной глубине.
Медленно шевеля плавниками,
Важно проплывает осетр.

Его спина похожа на зубчатую тайгу.
И у стерлядей спина зубчата.
Только они маленькие, шустрые.
А носы у них острые, как шило.
А язи, шалуны, как непослушные мальчишки,
Прыгают, плещутся, ломают зеркало реки.
А плавники у них красные,
Вспыхивают на воде как волшебные огоньки.

* * *

Как у всех мальчиков,
И у меня есть дедушка.
Дедушка мой невысок ростом,
Как и кедры наши.
Но щедр и вынослив,
Как и кедры наши.
А кедры у нас не гнутся
Даже при звонком морозе.
Чуть лишь побелеют
От ожогов его трескучих.
А белая ночь наступит —
На кедрях шишки зреют.
В них орехи, вкусные,
Как воздух белой ночи.
Дедушка мой невысок ростом,
Как и кедры наши.

* * *

Мы с дедушкой играем,
Загадывая друг другу загадки.

МОЯ ЗАГАДКА

По дуплистому дереву
Красная лисица скачет.

— Огонь скачет.

МОЯ ЗАГАДКА

Неизвестный живет, очень прожорливый.
Он целый день жрет. Чаю и воды не пьет.
Ночью, засыпая, есть кончает. Что это такое?

— Огонь.

* * *

Кто в год три раза
Свою одежду меняет?

— Земля три раза
Свою одежду меняет.
Весной и летом она зеленая.
Осенью — желтая, зимой — белая.

* * *

Бел, а не заяц,
Летит, а не чайка.
Что это такое?
Ну-ка, отвечай-ка.

— Снег летит.

* * *

Загадочное существо
Утром глаза открывает.

— Солнце глаза утром открывает.
Солнце глаза вечером закрывает.

* * *

Старший брат к сестре приходит.
Когда брат приходит,
Сестра уходит.

— Солнце уходит,
Когда месяц приходит.

* * *

— Загадочное существо
В полярную ночь
По всему небу
В цветном платье пляшет.
Снег горит, но не тает.
Медведи, собаки, люди
Смотрят, удивляются.
Словно заново рождаются.
Что это такое?—
Спрашивает северная загадка.
— Северное сияние!—
Отвечу я, как любой мансийский мальчик.

* * *

Отец играет, сын и дочь танцуют.
Что это такое?

— Это ветер дует.
Вихри снежные
В белой тьме ликуют.

КРЫЛЬЯ МОИ

Мягкий ветер — крылья метели.
Жесткий ветер — крылья вьюги.
На легких крыльях снежинки летают,
След моих лыж за мной заматают.
Сквозь снежный ветер
Вперед я иду.
До теплого дома,
Знаю, дойду.
Все загадки отгадаю.
Что за игрище?..
Узнаю.
Легкие лыжи — крылья мои...

* * *

Найди неизвестного.
Очень богатого.
Олени его
По всей Вселенной скачут,
Сияя сверкающими рогами
Над бескрайними снегами.

— Над бескрайними снегами
Сияют сверкающими рогами
Олени-звезды.
А пасет их
Всемирный богач —
Месяц круглолицый.

* * *

По дуплистому дереву
Олени мчатся.
Красивые олени
В небо летят.
Рядом со звездами умирают.
А тепло в доме оставляют...

— Искры в трубе.

МОЯ ЗАГАДКА

Одна всех кормит, поит, носит.
— Река всех кормит, поит, носит.

* * *

Рукой воду не схватишь
И сеткой ее не зачерпнешь.
И все же: где опустятся два крыла —
Там водовороты кружатся.
Где весла опустятся —
Там водовороты кружатся.

— Самоходка.

* * *

В воде играет,
А на земле умирает.
Что это такое?

— Рыба.

* * *

Под водой сидит колдунья,
У нее сто глаз.

— Сеть.

* * *

Из воды родился,
А воды боится.
Что это?

— Лед.

* * *

Незаметно приходит,
Любого украдет.
Уморит,
Обессилит,
В постель уложит.
Устроит пляски,
Сказки навеет...
Незаметно уйдет,
Подарив
Свое виденье...

— Сновиденье...

* * *

В глубокой заводи
Осетры заснули.
В теплой заводи
Осетры заснули.
Осетры, как дети,
Любят глубокий сон.
Не пора ли
И тебе спать?

* * *

— Когда все люди
На одном языке говорят?
— Не знаю,— отвечаю я.
— В детстве, наверно, все люди
На одном языке говорят,—
Тихо тянет бабушка Анеква
В лад потрескиванию огня,—
В детстве, когда плачут,
В детстве, когда впервые видят мир,
В детстве, когда задумываются
Над загадками
Не только северного сиянья...
— Ай да бабушка!—
Восклицает дедушка.—
Ай да бабушка!..

МОЯ ЗАГАДКА

— Рядом с человеком идет,
А его не видно.
Что это?
— Не знаю,— отвечаю я.
— Время,— говорит бабушка.

— Все оглядываются на время,—
Продолжает дедушка,—
Только время ни на кого не глядит.
И все же: снегу и дождю свое время.
Придет время — и река оживет,
И лед уйдет,
Эхо голосами птиц заголосит.
Каждая птица своим клювом клюет,
Каждая гагара о своем желудке орет.
Каждый журавль свою подругу кличет.
У каждого плеса реки
Свое эхо,
У каждого времени —
Своя песня.

* * *

Моя загадка:
Голос хорошего журавля
За семь рек слышать.
— Это слово. Слово-песня.
— Да, внучек.
Слово рождает Слово.
Слово — плач. Слово — меч.
Слово — богатырь. Слово — герой.
Слово и в небо поднимет,
И на землю уронит.
Не бойся стрелы — бойся плохого слова.
Слово спасает, оно же и убивает.
Голос хорошего журавля
За семь рек слышать.

* * *

Красивый голос лечит уши.
Говори.
Доброму слову улыбнется и собака.
Говори.
Правдивое слово дороже оленя.

Говори.
Хорошо говорить лучше,
Чем ничего не говорить.
Знай!
Но хорошее слово хорошо один раз.
Знай!
Светлое слово станет мостом в Завтра.
Говори.
Говори так,
Чтоб голос хорошего журавля
Было слышно за семь рек.

* * *

Пока не спрашивают — молчи.
Помни,
Засвистел рябчик — выдал себя.
Помни.
Вылетит слово изо рта —
Всему миру станет известно.
Помни.
Язык твой — твое оружие
И начало твоих бед.
Помни.
Рана от ножа заживет,
А от слова — нет.
Помни.
Кого не слушают —
Тому лучше молчать.
Помни.
Пока не спрашивают —
Молчи.
Помни и молчи.

* * *

Моя загадка:
Большой человек,
Приехавший издалека,
Оставил на земле звезды.
Что это?
— Следы журавлиных лап.
— Знай, внучек.
И человек рождается,
Чтоб оставлять следы.
Добрый его след
Как звездный путь.
Добрый свет — товарищ в пути.
Со злым пойдешь —
Добра не наберешься.
Сделаешь плохо —
Доброго не увидишь.
Со злом придешь —
Сам его испытываешь.
Со злом не торопись,
С добром спеши.
Пожелай людям хорошего —
Они пожелают тебе добра.
Доброе дело
Равняет человека со звездой.

СЛОВА ВЕТРА

Слышишь, слышишь,
Я зверем рычу,
Лосихой мычу,
Медведем ворчу,
Утробой волчьей злобно урчу...
Меня рассердили
Злые слова.

(Как много значат
В этом мире слова!)
Сейчас я скажу
Другие слова.
Добрые, нежные
Молвлю слова.
И гнев звериный
Уйдет сразу прочь.
Наступит тихая
Звездная ночь...

ГЛАВНОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ДЕДУШКИ

— Кайо! Вот пройдет твое беззаботное,
Как у собаки лайки, детство,
Встретишься с юностью.
Юность познакомит тебя с дорогой.

Откроется перед тобой дорога, иди!
В дороге — радость познания.
Увидят глаза красоту — задумайся.
Знай, красота — друг размышляющих.
Слушай пенье малой пташки
И титана тайги — глухаря.

Слушай шелест слабой травинки
И могучего кедра.
Слушай волнение великой реки
И свирель таежного ручейка.
Слушай! Красота принадлежит слушающим.
Наблюдай, как рыбак вынимает из сети рыбу,
Как охотник выводит звуки вещей слов:
Красота открывается наблюдающим.

Восславь большое дерево,
Подарившее тебе орехи.

Воспой большую реку,
Подарившую тебе рыбу:
Красота радует восхваляющих.
Найди во взоре своем теплые струи света.
Взгляни на мир
Добрым взглядом большого сердца:
Красота награждает жаждущего
Истинной красотой!
Ликуй, по-человечески ликуй,
Если тебя коснется благословение красоты!
Тогда все твои сомнения уйдут в тень
И в тебе победит Человек.
И ты заново родишься.
Иди по дороге жизни,
Ищи Человека. Ищи себя!
Тебе, манси, даровано —
Жить на земле.
Тебе, манси, даровано —
Странствовать по свету.
Тебе, манси, даровано —
Жить на земле.
Тебе, манси, даровано —
Дарить тепло людям.
Тебе, манси, даровано
Быть Человеком!

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МОЯ БОГИНЯ?

* * *

- Что на свете легче всего?
- Рука. Рука друга.
- Что на свете светлее всего?
- Сердце. Сердце друга.
- Что на свете щедрее всего?
- Солнце. Солнце друга.
- Дай руку, друг!

БОГИНЯ СОЛНЦА

Я слышу зов твой, Богиня Солнца.
Я чувствую твое дыханье.
Оно вот-вот сквозь ночь прорвется,
Сквозь длительное расставанье.

Вся в вихрях белая планета,
Темна от снежной жесткой пены,
Но в синем сумраке рассвета
Ты возникаешь постепенно.

Я слышу зов твой в жарких плясках
Огней полярного сиянья.
В цветных глазах твоих — и ласка,
И песнь любви и ожидания.

Ты вся уже в весеннем танце,
На землю утреннюю глядя.
Твои тоскующие пальцы
Вот-вот мне волосы погладят.

В зрачках твоих хочу тонуть я,
Как в утре, выйдя из ненастья,
И ощущать тревожной грудью
Твои бессмертные объятья.

Твоей душой хочу дышать я
И, раскрываясь, словно листья,
К твоей улыбке, будто к счастью,
Расти с грядущим утром вместе.

Я петь хочу светло и нежно,
Но вьюга вновь в лицо смеется
И сердце рвет крылом мне снежным,
Богиня Солнца, Богиня Солнца!

Как дотянуться,
Богиня Солнца,
К большой звезде моих желаний?
Мне ликовать еще придется ль
В полярном полдне, в утре раннем?

Но чувствую, что все вернется,
Богиня Солнца!
Богиня Солнца!

Месяц ли на небе —
жизнь хороша!
Солнце ли встанет —
жизнь хороша!
Если с улыбкой придешь ты своей —
Солнца и месяца станешь светлей!
Не закрывай от меня ты лица,
Радостным светом свети без конца.
Не отводи ты в смущении взгляд.
Пусть мне глаза о любви говорят.
Я без тебя, как без солнца, в тени.
С нежностью руки ко мне протяни.

Белой сказкой ты мне снишься.
Блещут звезды, снег метет...
За лисой на лыжах мчишься,
Бьешь пешнею крепкий лед.

И лицо в воде сияет
Ярче рыбьей чешуи.
Рыбу быстро вынимают
Руки стальные твои.

Как на мать мою похожа
Ты становишься тогда!
Рыбы бьются, рыбы пляшут,
Сыплет брызгами вода.

Светлым бисером искрится
Шуба белая твоя.
Как твои устали руки,
Лишь один и знаю я.

В женском сердце столько боли —
Это людям не понять.
И в глазах о самом главном
Никогда не прочитать.

Но едва ты взгляд поднимешь,
Все пойму тогда душой.
Самой близкой ты мне станешь,
Давней сказкой снеговой.

* * *

Я ищу, я ищу, я ищу,
А найду ли — не знаю.
Шапку ниже на лоб опушу.
Против ветра шагаю.

Против ветра шагаю. Гребу
Против волн и теченья.
Ты мою перестроишь судьбу,
Ты мне дашь облегченье.

Я на месяц смотрю золотой
И на солнце слепое.
Не в аду ты живешь, под землей,
Не в раю, над землею!

Ты живешь среди белых снегов,
На руках — рукавицы.
Средь охотников иль рыбаков,
Русских или мансийцев,

Твоя поступь проворна, легка.
И любое занятие
По душе: от иглы до станка,
И с любимым объятья.

Еще много домов посещу
В моей милой отчизне.
Я недаром так долго ищу —
Я найду свою Миснэ!¹

¹ Миснэ — в мифологии манси добрая лесная фея, богиня счастья.

РЫБАЧКА

Где обмелели баки,
где волн перелет —
из крепких рук
рыбачки
осетр сети рвет.

У ней висят
не серьги,
а чешуя в ушах,
у ней то ли веселье,
то ль солнце на щеках!

Любуюсь я руками,
губами, что цветут,
как брови —
плавниками —
в две стороны плывут!

Конец косы метется
у голубой воды,
и сердце мое бьется:
— Неужто, Миснэ, ты?

ЛЕНИНГРАДСКАЯ МИСНЭ

— Скажи, ты не Миснэ?

— Нет-нет, я не Миснэ.

Здесь фею лесную ты встретить
Не мысли.

И я и подружки из нашего цеха

Не феи,

Мы — девушки нашего века.

— Ах, жаль, ты не Миснэ,

Не фея лесная.

Та фея —

Лишь в древних сказаньях,

Я знаю.

Но как ты похожа

На добрую фею,

Лишь кудри светлей

Да глаза голубее.

А руки твои —

Лебединые шеи —

В работе гибки и щедры,

Что у феи...

— Нет-нет, я не фея:

Живу на Неве я...—

Но в голосе —

Голос лесной моей феи.

Да, ты ленинградка,

Согласно прописке.

Но песне согласно —

Ты фея, ты Миснэ.

НЕ ХОЧУ

Не хочу, чтоб атомные смерчи
Жизнь мою вдруг перетерли в пыль.
Не хочу я слушать хохот смерти,
Я еще ведь даже не любил.
Жду любви, певучей и крылатой,
Жду ее не с язвами Ногаты,
Не ослепшей в пепле Хиросимы.
Жду, как птицы солнца ждут,
И знаю,
Явится любовь под шорох сосен,
Тихая, как ягода лесная,
Резвая, как рыбка в синей Сосьве.
Ароматом заструится с веток,
Зорькой вспыхнет,
Заблестит звездой.
Я хочу, чтоб вся наша планета
Теплым для нее была гнездом.
Не хочу я, чтобы трепетала
Моя Миснэ перед днем грядущим,
Пусть не снится ей огонь напалма,
Крик детишек, от него бегущих!
Не хочу я
И не дам разрушить
Мой шалаш любви из веток мая.

О любви огонь, ворвись мне в душу,
Лишь тебя я жду
И воспеваю.

* * *

Глаза твои — медведицы в берлоге,
а брови — два тяжелых осетра,
и, как гнездо, тепла
большая шуба —
мне в ней отогреться до утра!

И девушка мне говорит в тревоге:
— Чего же ты стоишь все на пороге?
Ты проходи, не мешкай.
Ты ж озяб.

Глаза ее как чешуя блестят.
И я смею тут.
И к ней шагаю.
И песни о ее глазах слагаю.

ПОДАРОК

От зари яркий свет.
Синий соболя след...
Снег хрустящий... Мороз...
Лаает, мечется пес.
Лес, ты мне помогай!
Ельник, чаще мелькай!
Убежать по снегам
Я подарку не дам.
Пусть родная моя,
Красоты не тая,
В новых кисах¹ пройдет.
Пусть на них расцветет
Соболиный узор,
Что обрадует взор.
Мчитесь, лыжи, быстрее
По тропинкам зверей.

¹ К и с ы — меховая обувь.

СОЛНЫШКО

Солнышко, солнышко, постой,
Что ж ты делаешь со мной?
Нежное твоё тепло
С неба лучиком слетело
И в прекраснейшее тело,
В душу девичью вошло!
Как смогло ты превратиться
В эти брови и ресницы,
В этот взгляд из-под платка,
Напоенный светом ясным,
В эти, на лугу атласном,
Млечных, теплых два стожка?
Теплая моя загадка,
Тайна нежная моя!
Мне и стыдно, мне и сладко,
И смеюсь, и плачу я:
Солнце, солнышко, постой,
Что ж ты делаешь со мной?

* * *

Ты как черемуха зимой,
Красой сияешь неживой.
И твой наряд — не твой наряд:
Лед нарумяненной щеки,
И губы краскою горят,
И серьги словно огоньки...
Но не приманят даже птиц
Лучи накрашенных ресниц.
Ты как черемуха зимой,
Она и в шубке снеговой,
Сверкает бисер ледяной,
Но нет ни веточки живой.
А я люблю, я так люблю
Черемуху в живом цвету.
Как белую красу свою
Она ласкает на ветру...
Но, краски лживые любя,
Ты вновь накрасила себя.

* * *

Что мне черемуха снега белей,
Если со мною нет милой моей...

Глаз не могу от тебя отвести,
Словно подружка-черемуха ты:
Здесь ты — она начинает цвести.
Нет тебя рядом — и гаснут цветы.

Тот, на кого ты лишь кинула взгляд,
Снова мечтает тебя повстречать,
С дальней дороги вернуться назад —
Юным цветеньем еще подышать.

Вымыта паводком вешним земля,
Птицы вернулись в родные края.
Вспыхнул черемухой белый рассвет —
Только тебя под черемухой нет.

Что мне черемуха снега белей,
Если со мною нет милой моей.

Снег, как пух песка, кружится,
Пенясь под копытом.
Нарта в три оленя мчится
По сугробам взбитым.

Бор притих. Ветра и тучи
Слышат в поднебесье:
Человека дух могучий
К небу взвился в песне.

Пусть не любит, пусть таится —
Час желанный близок!
Как орлица, счастье мчится
На орлиный вызов.

Пусть же в сердце ветер рвется —
Сердце ветру радо!
Счастье сердцу отзовется —
И помчится рядом.

О, посмотри! Золотыми ногами
Солнце вращает небес колесо.
Выше и выше священное пламя.
Снег разбухает...
Проснется ли все?
Скованы птицы и люди и звери
Спячкой медвежьей средь мертвых снегов...
Может, и я
Отупел и не верю,
Что возвратились весна и любовь?
Может, в сиянии солнца-богини
Звездочкой малой
Душа моя сгинет?
Люди, светила ли звездочка эта
В царстве пурги и оскаленных скал?
Или медведем,
А не поэтом
Спал я в берлоге и лапу сосал?
Вижу я: под золотыми ногами
Кружится обруч нового дня.
Дух обновленья,
Прозрения пламя
Все безвозмездно берут у меня.
Но не забудь: хоть весна торжествует,
Где-то и холод, и голод, и мгла.
Кто-то ликует,
А кто-то горюет.
Как же иначе?
Земля-то кругла!

СОРНИ-НАЙ

Сорни-най! Золотая богиня!
Не сердись,
Что открылся в любви,
И не мучай!
Мне легче погибнуть,
Чем понять отреченья твои.
Ты взглянула —
И нету печали.
В сердце песенном,
Струнно звеня,
Полногласно слова зазвучали,
Словно с крыльями песня моя.
Ты прекрасна —
Я гимн слагаю
И молитвами славлю твой путь.
Как рассветное солнце, пылая,
Сорни-най, вечно юною будь.
Эта грудь — нежной кожи сиянье...
Ты, земная, достойна богинь.
Не сорви мою песню-признание,
В равнодушные камни — не кинь...
А коснись золотыми руками,
Ароматом цветенья обдай.
Пусть я грубый, как тундровый камень,
Ты — на камне цветок,
Сорни-най!

* * *

Дни метутся
Как метели...
Как же нам сойтись, любя?
Нет ни ложки,
Ни постели
У меня и у тебя!

Пусть же наземь туча злая
Сталкивает гром плечом,
Пусть же вьюги завывают —
Нам все это нипочем!

И пускай мороз пасется
Вместе с вьюгой на снегах,
Но у нас в сердцах —
По солнцу
И по песне — на губах!

* * *

Богиня Солнца, пробуди тепло
Из добрых глаз горячими лучами!
Чтоб сердце, болью сжатое, могло
Прервать печаль веселыми ручьями...

Но прячет солнце добрые лучи,
Обиженное равнодушным взглядом...
И сердце, льдом покрытое,— молчит,
Своей окаменелости не радо...

И бьется в одиночку подо льдом...
К нему взывать о жалости не смею!
Кто был недобрым к солнцу, тот потом
Находит в сердце то, что сам посеял...

* * *

Те редкие дни,
Когда за столом
Я с другом вдвоем,—
Как светлые сны.
И вечер так тих,
И воздух так чист,
И в сердце звучит
Задумчивый стих...

СКАЗКА В СИНИЙ ПОЛДЕНЬ

СКАЗКА В СИНИЙ ПОЛДЕНЬ

Синий полдень. Белая река. Звонкое небо.

Синими стрелами летят утки. Белыми лебедями плывут льдины. Высокое небо поет, лепечет, смеется, горланит голосами гусей, чаек, куликов, журавлей.

«Хал-хал, тень-тень...» Чья это песня? Неужели гусиная?

«Халэв лах-лах-лах!»— смеется во весь голос чайка Халева, паря над бурлящими берегами.

«Вет-лю! Вет-лю! Вет-лю!..» Это куличок. Тонконогий и невзрачный. А распелся на весь песчаный берег, где всюду бегут, снуют ручьи.

«Кай-вос-юв! Кай-вос-юв!» Утка связь. Зовет свою подругу на весеннюю игру.

Синее свидание. Синяя свадьба. Синяя весна. Синий полдень.

Мне кажется, все поет, лепечет, говорит.

Вот высокая лиственница, пристроившаяся каким-то чудом над самым обрывом, вытянув корявые ветви к небу, будто что-то нашептывает. Из-под ее корней, местами повисших над желтым обрывом, брызжет ручеек, на лету рассыпаясь на сияющие звонкие капли. Точно это чьи-то слезы.

Если присмотреться к этому крутому обрыву, то можно заметить, что земля движется. То скатится случайно сорвавшаяся песчинка, то глыба целая с шумом летит в пучину бурлящей внизу реки. То весь обрыв приходит в движение, будто с криком выходит из-под земли мамонт.

И я слышу его исповедь:

Я — мамонт.
Послушайте мою исповедь.
Меня поглотила земля.
И вам той участи не миновать.
Я был велик...
Слыл властелином тайги.
Все передо мной мельтешили.
И рогатые и безрогие,
и зубастые и беззубые,
ершистые и гладкие...
Гневались боги —
грозились громами.
Ломались молнии.
Шипела молва.
И звери на меня рычали,
будто у них я отнял кусок.
Великаны затоптать пытались,
словно я ходить по земле им мешал.
Но не от них погиб я.
Боги лишь грозятся.
Великаны велики лишь на вид.
Меня поглотила
молчаливая земля.
Ах, если б я знал,
что в ее молчании
таится не только моя смерть!..

Смерть? Какая может быть смерть, когда вокруг все искрится, звенит, клокочет! Это глупая сказка. Послушайте лучше, о чем на опушке леса кукует кукушка:

- Ку-ку! Ку-ку!
- О чем ты кукуешь?
- Ку-ку! Ку-ку!
- Что ты считаешь?
- Ку-ку! Ку-ку!

Я говорю вам:
весна пришла!
Зеленая весна
на землю снизошла!
Ку-ку! Ку-ку!
Слышите, оттаял мой голос.
И больше никогда язык мой не примерзнет!
Ку-ку! Ку-ку!
Синий полдень плывет.
А если ночь наступит —
то белая ночь.
В белой сказке поплывут озера,
кедры, цветы, лягушки...
А черная ночь,
промозглая ночь,
сгнула.
Никогда больше не будет
и холодных годов,
черных веков!
Ку-ку! Ку-ку!
Не бойтесь: я не их считаю!
Ку-ку! Ку-ку!
Я новым светлым дням
веду волшебный счет.
Пусть дни света
выльются в годы, века!
Лягушки,
медведи,
люди,
слушайте меня!
Я буду куковать.
А вы живите, не бойтесь!
Не считайте
свои недобрые дни!
Ку-ку! Ку-ку!
Хороша весна!..

Весна-то хороша. Да только она капризна. Прийти бы ей сразу на всю землю да одарить ее своим живительным дыханием! Да нет! Если на одном конце земли колдует пробуждение весны, то на другом конце земли царствует осень. А где-то трещит мороз, лютует смерть, ходит голод. Велика земля. Кругла. Ничем ее не удивить. Но если до вашего слуха дойдет крик медвежонка, прислушайтесь! Ведь и у маленьких детей бывают большие открытия. Однажды мне довелось услышать крик такого медвежонка. Выбежав из темных зарослей черемухи на светлую поляну, черноглазый малыш кричал на весь мир:

— Братцы мои, братцы!
Поосторожнее бегайте!
В черемушье гриве,
оказывается,
есть не только сладость
черноглазых ягод.
Красногрудый шиповник,
оказывается,
колючий...
Ой, какой колючий!..

А медведь, не выходя из дремучей тени диких деревьев, бормотал в лад легкому шелесту ветра:

— Я иду по черемушье гриве.
Меж кустами смородины брожу.
И удивляюсь:
почему не смотрят
из-под зеленых листьев
черноглазые ягоды?
Неужели на землю милую
вновь пришел скупой и голодный день?

Неужели ослабеет пояс мой
и лишь душа останется в желудке?
Почему не уродились ягоды?
Ведь кусты смородины живые.
И черемуха шелестит листвою.
Видно, кормит их земля, как прежде.
Почему они меня не кормят?
Может быть, не стало солнце щедрым?
Почему оно тогда кружилось
как и прежде, ослепляя светом?
Неужели это лишь для вида?
Я не верю!
Но в желудке пусто.
В нем шумит голодная моя душа.
Она кричит и просит сочных ягод,
отвергая сладость сочных слов.

А для меня важны теперь и сочные слова.

Я — Человек. Перед именем этим быть мне пожизненно в строгом ответе!..

А недавно, в мой последний приезд в родное село, я видел, как братишка мой, озорник и шалун, кормил собаку хлебом. Собака лайка сияющими умными глазами отвергала черный хлеб, требуя белого. Братишка мой, шалун и озорник, давал ей тогда кусок душистой ноздреватой булки. Пекарня в селе большая, хлеба много. Разве жалко для такой умной собаки!

А медведь сам виноват. Дурак. Засел в дремучем лесу. Вышел бы к людям. И для него нашелся бы кусок хлеба...

Но Земля большая... Африка, Азия, Америка... Энергетический кризис, неурожай, безработица, нищета, голод... Неужели права статистика, которая говорит, что на планете Земля и сегодня два человека из трех живут впроголодь? А собака моего братишки сыта. А на Севере моем

золотым оленем скачет солнце счастья, И все равно меня тревожит бормотание дремучего медведя, в желудке которого шумит голодная душа, отвергающая сладость сочных слов, которые мне по душе. Я — Человек:

Мой синий полдень,
сказка золотая,
выслушай мою
человечью исповедь.
Иду я по земле.
Ветер надо мной качается.
И трава ковром
стелется под ногами.
И родом крепок я,
как сибирский кедр.
И мой крылатый олень,
как никогда, крылат.
И летаю я
за семью морями,
семь частей света
мерю глазами.
И земля мне чары
свои щедро дарит:
красотою ослепляет,
пышной речью оглушает,
в пляске буйно меня кружит,
солнцем греет,
вьюгой вьюжит...
Это мои плечи
в костях так широки
или страна моя
так сильна, могуча?!
Мой синий полдень,
сказка золотая...

О чем взгрустнулось мне?
Что приснилось мне?
Родом крепок я,
как сибирский кедр.
И мой крылатый олень,
как никогда, крылат...
Может быть, в отцовском краю
загудела белая ночь
и пьянит она братьев моих
белым-белым черемушым медом,
сожалея, что я в стороне?
А может быть, застонал мой лебедь,
белый-белый мансийский мой лебедь,
пряча горячую рану
в мягкие перья свои?
А может, половодьем буйным
разыгралась великая Обь
и струи ее уносят
остатки холодной зимы?
А может, проклюнулось счастье
робким, бескрылым орленком,
чтоб в небе синем парить
ширококрылым орлом?
Мы растем, как кедры,
растем долго-долго.
Мы цветем черемухой,
быстро отцветая.
Ранят нас, как лебедей.
Мы раны свои прячем.
Не уйти нам лишь от снов
волшебной колыбели детства.
В колыбели качаются сны.
С нами мучаются сны.

Кому белая ночь
и река под окном,
кому нефти фонтан,
кому космодром...
Но родная волна
во сне зажурчит —
и сердце, как лодку, качнет.
И мой крылатый олень
в отчий уголок летит.
И сказки земли, как женщины,
вновь чаруют меня...

* * *

Белая женщина — нежная белая рыба.
Как за большой добычей,
я за тобою плыву.
Ах, рыба, рыба, рыба...
Рыба-красавица, нельма,
шевелини серебристой талией,
разволнуй-ка ты заводь мою.
А заводь моя — мое сердце.
В нем кружатся струи живые,
как в большой настоящей реке.
Выплыви из мутной заводи —
в струях кристальных побудь.

Белая, белая женщина...
Может, меня ты дразнишь?
Руки твои неприкрытые
двумя муксунами плавают.
Ноги твои — две нельмы —
от глаз уплывать не спешат.
Пальцы твои — десять стерлядей
с острыми головками...

Ах, женщина, белая женщина,
почему ты мне кажешься рыбой?
Может, в реке моей стало
мало серебряной нельмы?
Неужели хвост красной рыбы
свивается в звуки загадки?
И уха золотая стерляжья
лишь в сказке туманной дымится?..

Женщина, белая женщина,
спасибо хотя бы за то,
что ты, как белая рыба,
от меня навсегда не уходишь!..

* * *

Брат мой, бригадир Гослова, подарил мне метрового осетра. А в лодке у него сверкали серебряной чешуей и важные нельмы, и нежные муксуны, и язи золотились на большом летнем солнце, и стерляди, одетые в зубчатую броню, копьями остроносими торчали меж большими рыбами.

— Большая нынче рыба пошла,— говорил брат мне.— Никогда не было столько белой рыбы.

Лишь теперь стал доходить до меня смысл слов брата, когда он говорил о лимите вылова и о стройке, которая развернулась рядом с родным мне селом Ванзетур. Там строят дома, возводят плотину, которая перегородит таежную речку моего детства. В последнее мое прикосновение к земле предков отец мой сокрушался:

— Все! Негде будет больше старику промышлять, негде отводить душу!

— Как негде? — удивился я.— Так широка Сосьва, сверкающая перед твоим домом. А рядом Обь с ее бесчисленными рукавами, излучинами, протоками. И таежных речек не счесть!

— То другое,— отвечал он, вздыхая.— А здесь, в этой таежной речке, твой дед и прадед испокон веков промышляли. Помнишь лесную избушку? Помнишь, как рыба плескалась, как соболь скакал, оставляя на белом снегу узоры следов?

— Как не помнить!— говорил я.— Только ты, отец, не сокрушайся. Разве плохо, когда в реке будет много сосвинской селедки? Для того и строят рыбопроизводный завод. Мальки, взлелеянные здесь, заплещутся по всей тысячекилометровой Сосьве!

— Хорошо, когда играет рыба,— отвечал он.— Только почему они выбрали именно эту речку? Большая ведь река Сосьва.

— Но лучшего места, наверное, нет. Ученые ведь долго искали...

— Все ничего. Только вот что поделаешь со стариковской памятью.

И спел он такую песню:

...Душа моя там ходит юными ногами.

Пред нею стелются узкие лесные тропинки,
заметные лишь моему глазу.

Если медведь выходит на зеленый берег —
то это душа моего отца

разгуливает среди высоких кедров,
вспоминая светлые человечьи дни.

Ведь он был из медвежьего рода.

Если на широком плесе
нашей таежной речки

звонкой утренней песней выплывает белый лебедь —
то это душа моей кровной матери прикоснулась

к живым и трепетным струям
своей человеческой молодости.

Ведь она была

из крылатого лебяжьего рода.

И вот подумай, сынок:

если речку вечной души моих предков
загородят плотиной каменной,
если остановят вечно живую воду на одном уровне,
если изломают
извивы зеленых берегов —
негде будет гулять медведю,
и лебединая песня, может быть, замрет.
И поломается память предков...

Я слушал песню отца и думал. Сказывают, слушай поучения отца, но и своим помыслам давай дорогу; слушай трогательную песню матери, но иди своей мужской дорогой к вершине, на которую родителям уже не подняться. Цени и оберегай обычаи предков, но и о будущем не забывай...

— Отец мой! — воскликнул я. — Для будущего, светлого и богатого, нужно строить. И плотину, и газопровод, и нефтепромыслы!

— Будущее? Это хорошо! Я за ваше счастливое будущее! Только моя душа здесь играла. Я о том ведь только и пел. Моя мудрость и умение на берегу этой речки остались. Моя мудрость и блеск в волнах этой речки плескались. А где ваши силы развернутся — скажет время. Только скажу тебе, сын мой, еще вот что:

Не тревожься даже в самом дремучем лесу.
Нашел ручей — иди по течению.
Ручей к реке приведет,
у реки — люди.
У людей — сердца.
Сердце человека,
что солнце в небе,
светит, греет.
Не тревожься в дремучем лесу.
Нашел ручей — иди.

Не тревожься, что далеко:
пойдешь — доберешься!
Не тревожься, что тяжело:
станешь поднимать — поднимешь.
Ноги для того, чтобы идти.
Голова — чтобы видеть будущее.
Пусть светлой будет твоя голова!

Я слушал отца, но думал о своем. В большой реке моего детства и сегодня играет большая рыба. Рядом с братом моим, потомственным рыбаком, появились и ученый-ихтиолог, и строитель. Может, это и называется научно организованным промыслом? А что же я тогда распелся про нежную рыбу, как про белую женщину, которая будто исчезла?

Не испугала ли нефть? По стальным артериям нефтепроводов потекла кровь моей земли — черное золото, которое жаждут иметь во всех концах планеты. Неужели добычу черного золота нельзя сделать строго научной, стерильно чистой? Наверно, и это возможно!

А отец пел:

Состарившись, взойду на вершину
своей человеческой жизни.
Сказывают,
входящему на последнюю вершину
дают долгое слово.
Прощающийся со своей последней вершиной
говорит главное слово.
Мое главное слово —
еще впереди.
Сегодня же слушай вот что.
Тело человека,
как падучая звезда,
появится, исчезнет.

Доброе имя человека
остается надолго.
Заслужи, сын мой, на земле доброе имя.
Хотелось бы, чтобы у вас, у наших сыновей,
были длинными не только волосы, но и мысли.
Пусть колеблются мысли ваши,
подобно струям глубокой и могучей реки.
Да, вы сильны!
Можете разломать, раскрошить камни и скалы!
И воду, живую, клокочущую,
можете остановить.
Добудете черное золото,
создадите и рыбу
большую.
Знаю. Верю!
Белая рыба, нежная-нежная сказка,
конечно же будет плескаться в струях
прозрачных рек...
А вот женщина иногда
от мужчины уходит.
Будьте чуткими к женщине,
как и к нежной белой рыбе!..

А я будто снова услышал медвежонка. Только теперь
он кричал:

— Братцы, мои братцы!
Поосторожнее...
С белой женщиной!..

А солнце играло в небе. Искрилась вода. Качался ветерок.
Мой синий полдень, сказка золотая... Камни, казалось,

и те пели. В этом шуме многозвучном я услышал признания сороки:

Щар! Щар! Щар!
Это я, сорока, пою.
Щар! Щар! Щар!
Это я, голосистая, трещу:
щар! Щар! Щар!
О чем моя песня?
О чем мое вещанье?
Щар! Щар! Щар!
Вы тоже попусту трещите.
И с меня вы не взыщите.
Щар! Щар! Щар!
У меня пустая песня?
А у вас?
Огонь из глаз?
Откровение святое
в звуках ваших звонких слов?
Прозрение века
в ваших гимнах?
Щар! Щар! Щар!
Смешно!
Щар! Щар! Щар!
Вы такие же трещалки,
как и я,
длиннохвостая сорока!..

А на зеленом мысу у самой воды стоял лось, точно о чем-то размышляя.

Высоко поднятая голова. Навостренные уши как антенны. Ветвистые рога словно могучие руки. Это они, казалось, держали и высокое небо, и сияющее солнце...

Мой синий полдень, сказка золотая... Под легкий шелест
листьев я слышу монолог лося:

Просыпается заря —
уплывает сон мой.
И мир бросается в мои глаза.
Смотрят на меня деревья, птицы, травы
и спрашивают:
— Кто ты такой?
— Я сын земли,— отвечаю,
не опуская
рогатой головы.—
Что вы качаетесь?
Что вы удивляетесь?
Я такой же, как и вы,
сын многоликой земли.
Круглые у меня глаза?
Разве виноват я, что так прекрасно лицо реки
при восходе золотого солнца!
Ноги у меня длинные?
Разве мог бы я догнать
мою любимую в миг состязания в любви!
Без этих ног я не узнал бы и землю.
Носят меня мои ноги
по лесам, полям, болотам.
Я перешагиваю ручьи болтливые,
плыву по рекам шипящим,
брожу по травянистому берегу
молчаливого озера.
Почему стоят мои уши?
Люди разные.
Если уши опущу —
не услышу шаги коварных.

А носом чутким чую
за тридевять земель
ваше доброе иль злобное дыхание.
Да, копыта мои тяжелы.
Но чего бы стоил я
перед самим медведем,
если б не удар
моих каменных копыт!
И все же косолапый
порою
сдирает с меня шкуру.
Притаившись в хвое
над тропой моей заповедной,
летит он с ветки
на широкую спину
и вырывает жилы
из гордой моей шеи.
Может, в том виновата
дремучесть еще дикого леса,
а может, спина моя широкая
всему тому виной?
У меня голова большая?
Как бы мог носить я
корону ветвисторогую,
где бы я рождал
свои вечерние думы?
Рога — для врага.
Думы — для друзей.
Просыпается заря —
уплывает сон мой.
Я поднимаю рога
и высоко несу
думу.

Я иду по земле. Смотрю на песчаный обрыв. Срывается камешек, катится, падает в воду. И мне глыба об-

рыва кажется изваянием того... замурованного в земле последнего мамонта. Велик был мамонт. Но перед Землею он — ничто. Земля таила разум, рождение солнцеподобных микрочастиц. Всесильна Земля. Всевидяща и бессмертна.

Я иду по земле. Смотрю, слушаю, думаю... Этот многозвучный мир растет во мне, поет. Я иду по земле. Время во мне качается... Мой синий полдень, сказка золотая...

ЗАПОВЕДИ ИДУЩЕГО

ДОРОГА

— Длиннее елей, ниже подорожника...

Что это?

— Дорога!

— Длинна ли твоя дорога?

Высока ли?

— Не короче жизни моей,
не ниже дороги,
которую пройдут
мои ноги...

Нужны мне крылья да еще дорога,
Которой нет и не было длинней.
Пусть бьется в сердце радость и тревога,
Пускай звучит, как песня, скрип саней.

Пусть сердце у меня совсем не отдыхает,
Коль петь взялось,— на что ему покой?
Пусть радость в нем и счастье полыхают,
Охваченные щедростью такой!

Тогда я песни, что в душе веками
Цвели и увядали,
Сохраню.
Тогда я в сердце чье-нибудь на память
Хотя б одну слезу, рожденную стихами,
Хотя б один луч солнца уроню!

Пускай метель шаманит в исступленье,
Пускай заносит мной пробитый путь,—
Стучите в сердце мне копытами, олени,
Дыхание земли, в мою врывайся грудь!

МОЯ ЗАГАДКА

Кто позже всех ложится
И раньше всех встает?
Над синими снегами,
Над звездными лесами...
Кто ярче всех горит
В морозной тишине?

— Чтоб в снежном море
Не сгнули олени
И усталый путник
Нашел дорогу к людям,
Позже всех ложится,
Раньше всех встает
Полярная звезда!

Если ты человек, а не враль
Легкомысленный, если в ночи
Ты сумеешь расслышать печаль,
А смеяться захочешь едва ль,—
Сердце слушать стихи научи.

Если ты человек, запряги
Свое сердце, стряхнув пустяки,
В дум и дел золотую упряжку,
Ведь земные пути далеки,
Леность прочь отстрани и поблажку.

Тот, кто сердцем владеет своим,
Тот идет по дорогам ночным,
Различая просвет и сиянье.
Он во мгле доверяет уму,
Мудрость жизни открыта ему,
Смысл вещей, красота мирозданья.

Кто шагает дорогой ума —
Того смерть не смущает сама,
Хоть и роет глубокую яму,—
Он, не дрогнув, глядит на нее
И, влюбленный в лесное житье,
Видит будущих дней панораму.

Он — надежный хозяин в дому,
Он серьезен в беде и печали,
И стихи помогают ему
Мудро жить, как отцы завещали.

* * *

В гости
Без злости
И сытым иди.
Уважай хозяина,
Долго не сиди.
У гостеприимного огня
Погрейся три дня.
Помни:
В первый день
Ты — золото,
Во второй — серебро,
На третий день —
Ты медь.
На четвертый —
Твоему имени
За порогом греметь...

* * *

Добрый —
Друг твоей души.
Подлый —
Друг твоих вещей.
Смотрит в лицо —
Добрый.
Смотрит в спину —
Подлый.

* * *

Зверя сроду не согнешь,
Если нет в тебе решимости,
Рыбу в сети не возьмешь,
Если нет в тебе решимости.
И жены ты не найдешь,
Если нет в тебе решимости.

* * *

Человек, о, где твое усердье?
Устремленность, постоянство сердца?
Видно, цель была не велика
(Как я в цель высокую поверю?),
Коль, добыв ничтожного зверька,
Забываешь след большого зверя.

Правильно ли это, отвечай!
Ум всегда с отвагой сочетай,
Будь упорным и усердным ты,
И тогда я в цель твою поверю.
Пусть успех вознаградит труды —
Ты возьмешь рога большого зверя,
А в придачу — доблесть, честь и славу.
Где же, друг, твое усердье, право?

ЛУННАЯ ЛЕГЕНДА

По мансийским сказочным представлениям, пятна на Луне — это девочка и мальчик с берестяными ведерками, наполненными водой. Были они когда-то на Земле, шли по воду. Баловались, показывали пальцами на Луну. Луна рассердилась и забрала их.

Маленькая девочка и мальчик
По Луне идут,— я вижу их...
Вижу, как вода тихонько плещет
В двух ведерочках берестяных.

Вижу я, как на Луну сегодня
Прилетели жители Земли,
И не ведаю: какую радость
Этим детям люди принесли?

И домчится ли в сердца живые
Новых дней грядущих мирный свет
К детям нашей собственной планеты —
Самой наилучшей из планет?

* * *

Живу в крылатый век.
Живу я в тот,
Когда быстрее мысли год идет,
И коротка длина земного круга,
И человек быстрей стрелы из лука.

Теперь крылата у меня ладья,
И к звездам я лечу.
— Земля, меня
Родившая когда-то, до свиданья!
Не забывай средь снежного сиянья.

Лишь сердце на земле моей единой
Останется
Пылающей рябиной...

СЛОВО ГИПЕРБОРЕЯ

МОЛИТВА К БОГИНЕ НЕВЕДОМОЙ ЗЕМЛИ

Эй!

Богиня неведомой земли!
Хозяйка неведомых лесов,
неведомых вод,
неведомых гор,
неведомых долин,
взываю к тебе!
Я — Гиперборей,
Черный сын Белого ветра,
рожденный Белой ночью,
выросший сиротой на белых снегах
под белым морозом,
склоняю перед тобой
сгибающую шею свою,
преклоняю перед тобой
колени гибкое свое.
Только дай моим глазам
насмотриться вдоволь!
Откупорь тугие уши мои,
дай послушаться вдоволь!
Если ты не ослепла —
приветливо на меня погляди.
Если ты не оглохла —
послушай мое слово,
слово Гиперборея!

СЛОВО ГИПЕРБОРЕЯ

Поэма

Юрию Львовичу Прокушеву

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Вечный Парнас,

слушай слово мое!

Скалы, как статуи древних богов,

скалят

ущелья навеки умолкнувших ртов.

Повержен еще до наших времен

и храм Аполлона,

и сам Аполлон.

И лишь ледяной кастанальский родник

убитые камни с бессмертьем роднит.

И я, припадая к его хрусталю,

последний язычник,

безмолвно молю:

«О Аполлон! Где лира твоя?

Вернись в бытие из забвения!

Сын дельфы! Восстань, оживи и прозрей,

как я — современный Гиперборей!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Слушай, Парнас, откровенье мое!

Я вдохновенье тебе отдаю,

лиру настраиваю свою

здесь, над Элладой, над морем веков,

здесь,

над развенчанной славой богов».

Вечность и миг воедино слились.

Туман, как лавина, обрушился вниз.

И надо мною застыл небосклон,

словно живой

голубой Аполлон.

И, протянув яркий луч из-за туч,
вручил мне кастальский — от времени! —

ключ.

* * *

Моего рожденья миг.
Мрак прозрачный ночи белой...
Еле слышный и несмелый
первый в этой жизни крик.
Болью матери оплачен,
снова в памяти возник,
эхом времени подхвачен,
первый в этой жизни крик.
Вдохновеньем наполняйся,
ночи южной глубина.
Крик свой первый на Парнасе
чем я оплачу сполна?

Может быть, это вовсе не полночи темень?

Ожил двадцатого века зловещий

взаправдашний миф...

Может быть, это черных полковников тени

встали вокруг, светлый день от меня заслонив?

Может быть, черные люди чужого, проклятого мира

готовят мне страшную казнь, затаившись вблизи,

чтоб замолчал мой Торыг — журавлиная лира,

лебединая песня,

многострунная арфа манси?

В памяти века сигналы тревоги не смолкли.

Но на земле этой встретив свободы зарю,

идолы, боги, люди,

мамонты, волки,

устаами природы

от имени жизни

сегодня я говорю!

* * *

Царь царей и бог богов — слово.
И о нем я речь веду снова.
И глупцам дано оно, и людям мудрым.
На дороге слов своих будь каюром!
Ты сначала их согрей
в сердце честном,
чтоб к вершинам вел хорей,
а не к безднам.
Как седины у виска
с мыслью вровень,
умещаются века
в кратком слове.
Даже музы, Аполлон,
в тебя не верят.
Красоту не по тебе
нынче мерят.
Но Гомер не ждет суда
от новой веры,
пусть борода его седа
с... до нашей эры.
Добрых кодексов земных прародитель,
мой собрат, учитель и победитель.
Смех и плач его живут
не старея.
Знаю я, что слышит он
через стены всех времен
Гиперборея.

* * *

Повержены боги, когда-то любимые.
Их не спасает ни мрамор, ни бронза...
Они угасают, на слайды дробимые.

Зараза торговли,
туристская проза!
Провиденье наших видений, оракулы,
не тайной, а пылью музейной покрыто.
Гробницы забыты, но живы каракули
ослепшего — нет, не от злата! — пиита.
Не строили храмов, не ставили статуй
певцы и жрецы бессмертья иного.
Их жизни девиз: озадачивай,
радуй,

учи и лечи,
к потомкам скачи
дорогою истины, слово!
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Это и есть призванье мое.
Как всегда, живое слово
побеждает камень снова.
На устах и на бумаге
в мифе, в песне или в саге
остается человек:
нравы, быт, искусство — век.
Нелегко понять пока мне:
в слове я останусь,
в камне?..

* * *

Нет у меня слова.
Есть страшные сны у меня.
Плакал я ночью снова,
маму хороня.
Счастье ушло навеки,
как будто только сейчас
иссякли,
высохли реки
бессмертных маминых глаз.

Я плакал слезами детства
и повторял опять:
«Нет больше на свете сердца,
чтоб соль моих слез впитать.
Если гагара стонет,
слышат ее облака.
Собачий язык успокоит
жалобный визг щенка...»
Мне ветер сказал на это:
«Горестный вздох затаи,
останутся без ответа
наивные слезы твои.
Не выдавай до срока,

что у тебя внутри.
Мужское сердце — осока,
не уколись смотри!
Чужая жалость болтлива,
скорее слезы утри.
Женское сердце — крапива,
не обожгись — смотри!»

К этому кедр прибавил:
«Не прячь печалей своих.
Дождь слезы твои разбавил,
а солнце высушит их.
Что может быть дороже,
чем солнце в нашем краю?
Недаром оно похоже
лицом на маму твою.
Пусть горечь большой потери
долго в душе болит.
Но, в силы твои поверив,
волей всего народа

Родина окрылит
и высотой полета
душу твою исцелит».

Я иду по древнему Эпидавр. Ступаю по священным камням храма Асклепиуса. Этот храм здоровья возведен в зеленой впадине среди задумчивых холмов. Покой. Тишина. Умиротворенность. Сюда шли древние со всех концов Греции за исцелением. Но, прежде чем принести жертву богу здоровья Асклепиусу, люди должны были провести ночь в зале снов на шкуре животного, принесенного в жертву. И сны, приснившиеся здесь, пересказывать оракулу, который предскажет путь исцеления. Так думали древние.

Я прошел по священным камням храма. Они свидетели тысяч сновидений. Я видел статую бога здоровья. И хотя я не принес в жертву ни белоснежной лошади, ни круторогого оленя, как совсем недавно делали мои предки, я все же встретился с Асклепиусом, как язычник.

Я прилег на мгновение в зале снов и вновь увидел сон, который снится мне вот уже тридцать лет:

Маму мою, белолицую и румяную,
в саван укутав, в лодку кладут деревянную.
Кричу я: «Не надо! Холодно ей будет!
Снег ее засыплет, дождь ее разбудит...»
Люди утешают: «Поздно или рано
всем нам плыть в холодной лодке бездыханно».

Я кричу, от страха и от плача слабый:
«Я хочу плыть в лодке с мамой,

с мамой,

с мамой!»

Люди отвечают: «У всего свой срок.
Жизнь и есть вот этот вспененный поток.
Никому течения вспять не повернуть.
Время плыть сменяется временем

тонуть.

Твоя мать отправилась в свой последний путь...
Но дух ее в тебе живет. Человеком будь!»
А я просил сквозь слезы маму мне вернуть...

Я ходил по камням Асклепиуса, истоптанным ногами равнодушных туристов, и снова уходил в сон, в свое детское языческое суеверие, и камни вновь для меня становились священными, и боги оживали, и плыли слова:

Асклепиус, бог здоровья,
Исцелитель манси, Сёхрин-ойки,
вы двойники.
В детстве молил я вас взрослыми словами:
«Верните здоровье моей молодой маме!
Верните ей зренье, дыхание, жизнь,
чтоб опять
могла моя вечная мама сына обнять.
Чтоб снова от ласки ее и тепла
рассеялась мгла,
чтоб снова легким шагом
она в мою жизнь вошла».
Но канула улыбка мамина
в океан темноты...
Асклепиус! нем ты каменно,
бездарно бессилен ты.
Храм твой белый, торжественный
всего лишь каменный миф.
Как сон на шкуре на жертвенной,
и сам ты ни мертв, ни жив.
Поэтому ты бессмертен
завтра, вчера, теперь.
Не носишь в душе отметин,
невосполнимых потерь.
Каменным останешься,
не плачешь и не смеешься,
чужд страстям бытия...

Как соком полна морошка,
сном своим полон я.
Призвание и вдохновение,
вы мне помочь должны
преодолеть наваждение,
прервать все прошлые сны.
Чтоб из капкана горя,
как гиря, влекущего вниз,
я вновь вернулся в мир моря,
солнца и ветра — в жизнь!
Начало всего — природа,
здесь, в центре земли,
вновь высотой полета
душу мою исцели.

* * *

Чужой землю заново болея,
снегам Олимпа присягнув давно,
я подношу к губам Гиперборея
Элладу,

как священное вино.

Там, где когда-то проходили боги,
хожу я, опечаленный светло.

Хранят доныне древние чертоги
их мысли, как высокое чело.

И восстают немеркнущие из тлена
богинь неповторимые тела.

И каждая, по-женски откровенно,
как будто говорит мне:

— Я БЫЛА!—

Я голосу святынь напрасно внемлю,
язычество свое неся в себе:
здесь боги с неба сброшены на землю,
чтоб пьедесталами служить толпе.

Паломничество суетно в основе,
и вечность от него не уберечь.
Не потому ль была на полуслове
оборвана классическая речь?
Сначала в мрамор, а потом — на слайды...
Успех открытий для земных утех...
Зачем античный барельеф Эллады
штампуеть ты всюду, двадцатый век?!
Зачем величье сына-исполина
на сувениры ты дробить готов?
И я склоняю голову повинно
к подножью обезглавленных богов.
Превознося растоптанную вечность,
ликуя у истока своего,
о люди! сохраните ч е л о в е ч н о с т ь —
последнее на свете божество.

У ЖИЗНИ НА ПИРУ

* * *

Ярка весенняя трава.
Прозрачна неба синева.
Играет рыба на реке,
Крик лебединый вдалеке.
Летит, сверкая, стрекоза.
Иду, гляжу во все глаза.
И уши слышат каждый звук
Земли, проснувшейся вокруг.
Земля и небо — все поет.
Звенит. Ликует. Жизнь идет.

* * *

Шагай, ликуй, живи за двух,
Вдыхай, как зверь, весенний дух.
Сиди за праздничным столом,
Согретый дружеским теплом.
Почувствуй властный вкус вина,
Пусть будет радости полна
Твоя душа. Ее пойми
И ею землю обними.
Как мир весенний поутру,
Ликуй у жизни на пиру!

* * *

Дерево у дома твоего
Самое могучее.
Песня птиц в листве его
Самая певучая.
Пес, лежащий у крыльца,
Необыкновенный.
Я смотрю, и нет конца
Радостям мгновенным.
Мир земной. Прекрасен он.
Неужели я влюблен?

6 Ю. Шесталов

* * *

Друзья, приятели мои.
Мы дети все одной семьи.
Смотрите веселей на свет,
Сказав своим сомненьям — нет!
Пусть в вас уверенность кипит.
Пускай вас дружба окрылит!
Вот человек — порой без сна —
Он в дело общее сполна
Свои усилия вложил...
Кто был таким — лишь тот и жил.

* * *

Без тебя я — как олень
Дикий, без хозяина.
Я мотаюсь целый день —
Вся душа измаяна.
Ты меня скорей лови —
Крепок он, аркан любви!
Хоть к вожжам я не привык,
Встречный пусть сторонится,
Коль упряжка наша вмиг
Прямо к счастью тронется!

* * *

Быть бы нам с тобою
Деревом одним,
Чтобы не сдаваться
Бурь порывам злым,
Чтоб с тобою грело
Нас одно тепло,
Чтобы племя сильных
После нас взошло,
Чтоб всегда нам было
От мечты светло.

* * *

Чтоб согреть — огнем я стану.
Чаем жгучим и зеленым,
Буду греть тебя огнем,
Буду чайным греть теплом.
Хочешь ласки — ветром стану,
Щек коснусь твоих желанных.
И водой могу я стать,
Чтобы всю тебя обнять.
А в ответ ты проронила:
«Стань мне добрым мужем, милый!»

* * *

Стану лгать я —
Уст лишусь и онемею.
А жену чужую трону —
Заблужусь в лесу дремучем.
Что в нем, в краденном богатстве?!
Тянешься к чужому кладу —
Клада своего не ценишь,
Разменял себя давно.
Лжешь — так станешь безъязыким,
В сыр бор канешь зверем диким!

* * *

Так на светлом пиру ты была весела,
Что нечаянно в плен мое сердце взяла.
Сердцу сделалось вдруг горячо-горячо...
Так игристую чару поднимем еще!
Пой, богиня, и пей золотое вино!
Сердца мне моего не вернуть все равно.
Понял я в эту полночь на все времена:
Слово «милый» в устах твоих слаще вина.
И сама эта ночь так темна и хмельна,
Что мне хочется всю ее выпить до дна!

Куда подевались эти слова:
«Луна», и «весна», и «люблю»?
Забыл я красивые эти слова.
Целую тебя и люблю.
В губах твоих сейчас живет весна.
Рука твоя — как юная луна.
Дыханье — ветра вешнего свежей.
«Люблю» нам слышно в щебете стрижей.
И я тебя целую вновь и вновь
В молчанье, что красноречивей слов.

* * *

Ты говоришь: дурной видала сон.
Какие беды напророчил он?
Во сне жестоким я с тобою был,
Сказал, что позабыл и разлюбил.
Нет, милая! Твой сон — сплошной обман.
Твоя душа от мнимых стонет ран.
Когда встречал я вдохновенья вал
И на пиру у жизни ликовал,
Поверь, когда страстями был томим,—
Жизнь нарекал я именем твоим.

* * *

Я хочу, чтоб все нам было общим:
И дорога та, что вместе топчем,
И сквозные дали поднебесья,
И летящая из сердца песня.
С негасимой думой об Отчизне
Мы с тобой идем навстречу жизни.
Если надо, сможем мы с тобою
Одолеть препятствие любое.
Но когда наскучит жизнь с поэтом,
Ты скажи. Душа поймет и это.

* * *

Ты говоришь, что у вина язык
длинной с лыжню и катится как лыжи
тот, кто к бутылке ласково приник
своей сивушной бороденкой рыжей.

Вино, наверно, в самом деле тьму
творит в мозгу и Идолом Ненастья
кружится, не подвластно никому,
от маленького пьяненького счастья.

Вино — могила мысли и самум
болтливости, сжигающей твой ум!

* * *

Луна взошла на небе.
Круглая луна...
В этом дальнем краю лишь она одна
видела нас с тобою вместе.
Лишь она знает наши тайны.
Ясная луна смотрит печально.
Как мне больно: все дальше и дальше
с каждым годом ежжу я.
Все дальше и дальше
от меня уходишь ты.

* * *

Когда икринкою я был,—
Меня не съели.
Когда я ползал червячком,—
Не растоптали.
Когда бельчонком прыгал я
По темной ели,—
Меня из длинного ружья
Не расстреляли.
Теперь, когда я человек,
Не победить меня вовек!

ПО ЗЕМНОМУ КРУГУ

ГЛАЗА БЕЛОЙ НОЧИ

Есть у меня глаза,
Есть глаза у огня.
И у белой ночи,
Как у мудрых женщин,
Зоркие глаза.

В зимнюю черную ночь
Я их вижу во сне.
Я их вижу тогда,
Когда стоит мороз,—
Такой стоит мороз, что я чувствую
Мозг внутри своих костей!..

Мне снятся они,
Как в снегу может сняться
Тепло.
Под звон сосен
Они снятся мне,
Как глаза моей желанной...
Светла белая ночь,
Светлее речки, в которой
Видны все рыбы насквозь...
Эта белая ночь —
Словно мир-суснэ-сам¹.
В эту белую ночь
Я — как мир-суснэ-хум².

¹ Мир-суснэ-сам — глаза, пронизывающие мир, землю, вселенную.

² Мир-суснэ-хум — человек, дух, просматривающий насквозь мир, землю.

Я все вижу и слышу:
Вон как будто на лыжах
Проскользнула гагара,
И радугой брызги
Над плесом сияют.

Вот гнется травинка
Под ветром-кнутом.
Вон жужжит злой комар.
А вот дом как душа:
В нем двери — открыты.

Где-то стон ползет,
Где-то ласка летит,
С ветки на ветку,
Как белка, летит.
В эту белую ночь
Я светлей становлюсь
И нежней во сто крат,
На мгновенье мудрей.
В эту белую ночь
Беззащитен от зла.
В эту белую ночь
Меня мать родила.

Мир уснул, мир затих —
Спят народы земли.
Лишь легенды и сны
Белой ночью не спят.
Они бродят во мне
Вместе с кровью моей,
И у сердца стучат,
И из глаз моих смотрят.

* * *

Добыть огонь, должно быть, каждый может.
Но человек свое прославил имя
Не тем, что для себя очаг зажег,
А поделился пламенем с другими.

Тайсто Сумманен

У огня сидел с тобою,
Пил тепло земли твоей.
Говорил же сам с собою,
Говорил с душой своей:
Почему он стрелы мечет
И резвится, словно конь,
Непоседлив и изменчив,
В печку брошенный огонь?
Я выпрашивал у сосен,
Им живется каково,
У озер пытал под осень,
Их волненье — отчего?
У камней просил ответа,
Неподвижны — почему?
Толковал с цветами лета,
Светят солнечно — кому?
У тебя лишь, друг мой, Тайсто,
Не спросил я ничего,
Только впитывал я тайно
Пламень сердца твоего,
Лишь души своей остуду
Я утрачивал в тиши...
Стойте, сосны!
Я не буду
Вас словами тормозить.
Вспеньтесь гребнями, озера,

И не хмурься, бирюза,
И цветы, не прячьте взора.
Оставайтесь валунами,
Валуны седой земли,
Вы своим молчаньем сами
На отгадку навели.
В синем крае Калевалы
В шири неба самого,
В переливах зорьки алой
Затаилось колдовство.
Из глубин твоих душевных
От невиданных щедрот
Не седой еще волшебник
Пламя людям достает.

«КАЛЕВАЛА»

«Калевала», «Калевала»,
В тайну слов твоих вникаю.
Зазвучат они, и мигом
Заискрится гладь озер,
И, уткнувшись в берег, окунь
Зашевелит плавниками.
И рыбаки, берясь за весла,
Песнь выносят на простор.
И, покачиваясь, солнце
Поплывет навстречу руне.
На устах весенним снегом
Тают нежные слова,
Люди за руки берутся
Под чудесный рокот струнный
И поют самозабвенно,
Как поют тетерева.

Как березовые ветки,
Струны кантеле в кручине:
Ропщет белая береза,
О своей судьбе звеня,
О самом начале мира,
Расцветающего ныне,
И о том, как Вяйнямейнен
Сеял зерна ячменя.
О посевах первом леса —
Как его мы лихо рубим! —
И о пенящемся пиве,
Норовистом, словно конь,
И о том, как взял в объятья,

Осторожно приголубив,
Тела первого железа
Возникающий огонь.
Тот огонь, в печи пылая,
Нас по-дружески согреет
И, с поленьями играя,
Позабавит, как дитя,
Но, злодеем взятый в руки,
На глазах осатанеет,
За единое мгновенье
Землю в пепел обратя.
В теле гулкового железа
Живо доброе начало,
Души трактора и плуга
В нем таятся с давних дней.
Но уж если разъярится,
Гложет камень одичало,
Как косою острой косит
И деревья, и людей.

«Калевала», «Калевала»...
Мы скамьи теснее сдвинем,
Дружно за руки возьмемся —
Песни выплеснется жар!
Калевы краса — девица,
Белокурая богиня,
В пятиобручевых кружках
Где ячменный твой нектар?
«Мы когда же все сойдемся
И друг с другом породнимся?
Скучно жить нам в одиночку,
А вдвоем, втроем — дружной» —
Так велел нам Вяйнямейнен.
И с певцом мы согласимся,
Сыновья народов разных
Вольной родины своей.

Ну а если хмель взиграет —
Пусть он тешит наших женщин,
Молодых дарит весельем,
Старых — силой молодой.
Пусть же руной «Калевалы»
Будет добрый путь увенчан,
Пусть она разбудит в каждом
Дух поэзии живой.
Так пойдем туда за песней,
Где зеленая береза
Шумно ветками всплеснула,
Мир увидела другим,
А ее печаль былую
Смыли радостные слезы.
«Калевала», «Калевала»!
Песня счастья,
Дружбы гимн!

ПРИЗНАНИЕ КАРЕЛИИ

Стою на камне...
Но блестит волна
Не каменной тоской —
Живой водою.
Карелия!
Весенняя страна,
Твое ликует сердце молодое.
Девчонок-сосен весел хоровод,
Ты в нем юна богиней синеглазой,
Как легок рук серебряный полет!
Ты мне не протянула их ни разу.
О протяни!
Я слышу сердца стук —
То грудь твоя навстречу счастьем дышит.
Карелия!
Я твой навеки друг.
Пускай весь мир
Мое признание слышит.
Твою нерукотворную красу
На крыльях вдохновенья пронесу.

ИДУ ПО ТВОЕЙ ЛЫЖНЕ

Проложил я первую лыжню...

«Калевала»

По твоей лыжне иду я,
О создатель «Калевалы»,
И душа запела песню —
Ту, что прежде не певала.

Я твой след сыскал не сразу —
Были горы между нами,
И болота стали между
Родственными племенами.

Но не только расстоянья —
В мире сумрачном и старом
Разделяло нас и время,
Смерзшись ледяным кристаллом.

Дух мой долго спал под снегом,
Скован вечной мерзлотою,
Лишь урывками он видел
Сон про счастье золотое.

Но сработал кто-то сампо¹,
Кто-то солнце поднял выше.
Я проснулся — и далекий
Братский твой напев услышал.

Лед растаял, теплый ветер
Мчится, весело колдуя...
Сочинитель «Калевалы»,
По твоей лыжне иду я!

¹ Сампо — мельница.

Сосны выросли на камне,
Сосны прямы, словно струны,
На ветру они трепещут
И поют, слагая руны.

А какой мороз жестокий,
А какая буря злится!
Словно черное столетье,
Ночь безжалостная длится.

Но, быть может, в этом — правда,
Жизни смысл, быть может, в этом:
Как сосна, стоять на камне,
Быть собой — зимой и летом.

Может, в этом — совершенство,
В этом, может быть, — свобода:
Верить краткой белой ночи,
Свет струящей с небосвода.

Он таинственный и млечный,
Он задумчивый и строгий.
О, не тем ли вещим светом
«Калевалы» светят строки?

Низко кланяюсь вам, сосны,
Мудрость ваша так близка мне:
Жить, быть может, — это значит:
Как сосна, стоять на камне!

* * *

На солнечной опушке
вздремнулось мне слегка.
Была взамен подушки
одна моя рука,
другая — осязала
пушистую траву...
И сердце сознавало:
я сплю — но я живу!..

Таежный, искушенный
охотник я не зря:
уснула отрешенно
одна моя ноздря,
другая — не дремала
и каждый ветерок
с родимого Урала
ловила, как зверек.

Одно уснуло око,
как на заре звезда,
другое же — глубоко
смотрело вниз, туда,
где корни деловито
друг дружку оплели,
где, может быть, сокрыта
сама душа земли.

Одно уснуло ухо,
угретое тепло,
и стало вовсе глухо,

другое — не спало,
ловило каждый шорох
листвы, травы, камней,
и птичек белоперых,
и духов, и теней.
Я сплю, но я — на страже!
И, свежестью дыша,
тянулась к людям даже
во сне

моя душа.

Потом она проснулась.
Синели небеса.
Невдалеке тянулась
залива полоса.

Как финны, молчаливы
стояли валуны,
как финны, горделивы
стояли три сосны.

Ручей струился рядом,
по камешкам звеня,—
прозрачным финским взглядом
он глянул на меня.

В сторонке люди дружно
достраивали дом,
кивали мне радушно,
горды своим трудом.

И, стоя на опушке,
уже я чують мог

и запах свежей стружки,
и сауны дымок.

Как хорошо на свете,
целуя землю-мать,
людей, деревья эти
и солнце — понимать!

Как славно улыбаться
всем, кто для сердца мил,
как славно просыпаться
и видеть: в мире — мир!

ФИНСКОМУ ДРУГУ

Друг мой ближний и далекий,
Человек страны Суоми,
Я сегодня — словно дома
У тебя в просторном доме.
И язык твой, столь певучий,
С детства, кажется, я знаю.
Ты сказал: «Суоми» — слышу:
«Суя-ма» — страна лесная.
Гладь воды под солнцем ярким
Заиграет, заискрится —
Ты промолвишь: «Веси, веси»,
Я услышу: «Витсов, витсов».
Рыба — «хул» у нас зовется,
А по-фински — «кала»,
И родное что-то слышу
Я в напевах «Калевалы» —
Пляски нашего селенья,
Песни рыбака обского.
Через дали и столетья
Отвечает слово слову!
И звучит в мансийском ухе,
Словно радостная гамма:
«Иса», «ся» — значит «папа»,
«Эма», «ома» — значит «мама».
Сколько схожего я слышу,
Словно впрямь на самом деле
В раннем детстве нас качали
В общей, братской колыбели!

Да, когда-то так и было,
Было так на самом деле:
Наши предки вырастали
В общей древней колыбели.
Одного ствола мы ветки,
Общей матери мы дети —
Лишь потом легли меж нами
Расстоянья и столетья.
Но сегодня я приехал
К вам не в поисках созвучий —
Есть иной язык на свете,
Самый главный, самый лучший.
То язык добра и дружбы,
Человечности и мира,
И его могучим ритмам
Вторит северная лира.
Чтобы в атомном столетье
Мир незыблем был в основе,
Мы друзей себе находим
По душе, а не по крови:
Те, кто хочет миру — мира,
Счастья хочет всей планете...
Хорошо, что в нашем веке
Есть такой язык на свете!

* * *

Время — зимней ночи
сумрак отлетает.
Время — на озерах
лед последний тает.
Теплый ветер дунул —
хлад и мрак рассеял.
Будто снег последний,
лебеди на север
мчатся,

а на смену
гуси будут скоро
и с весной на крыльях
сядут на озера...

Друг мой! В это время
жизневозрожденья
пусть и дом твой полнит
радость пробужденье!
Пусть взыграют реки —
скажем им спасибо,
если попадется
нам большая рыба!
Пусть и лес, расщедрясь,
лакомства подарит,
пусть над вами солнце
в бубен свой ударит
и высоко в небе,
на поляне синей
кружится над вами
Золотой Богиней!

Пусть вам хлынет в душу,
пусть натешит очи
северное чудо —
сказка белой ночи.
Дивно это счастье
и невыразимо —
лишь тому понятно,
кто осилил зиму,
долгую, глухую,
с холодом и мраком.

Белый цвет черемух
всюду — добрым знаком.
Каждому кукушка
счастье нагадает.

Пусть же озаренье
вас не покидает!

ДИВНЫЙ КРАЙ

В дивный край я пришел —
Он лежал далеко...
Как под солнцем венгерским
Ходилось легко!
И глаза мои шли,
и они не могли
Оторваться
от этой прекрасной земли,
От зеленых садов,
от синеющих гор,
От речных берегов,
от прозрачных озер...
Это сказано верно,
услышишь и ты:
«Здесьний край —
Как на шляпе у бога цветы».
Только шляпа-то есть,
А вот бога-то нет...
Где ты,
Дух отошедших и будущих лет?
Не тебя ли искала душа —
И нашла:
Вековечную мудрость,
Большие дела.
Человеческий гений —
Связует лишь он
Нить грядущих времен
С нитью прошлых времен...

Будь прославлен, мадьярец:
В труде твоём есть
И всемирный размах,
И высокая честь.
Край хунгарский счастливый,
Подарил ты уже
Глазу — дивное диво,
Отраду — душе!

* * *

Потревожь свою древнюю думу,
Вспомни брата,
Вспомни сказочный край свой угрюмый,
Как ты жил на Урале когда-то.
Не легенда все это,
Не сказ.
Мы одною душою дышали,
Одинаковым именем нас —
Вспомни! Вспомни!— тогда окликали.
Но на спину коня
Ты вскочил, он умчался, крылатый.
За оленем погнавшись, ты забыл про меня...
Вспомни, вспомни далекого брата!
Захватил ты с собой материнское слово
И растаял на западе в блеске восхода,
В золотом полыханье огня.
Вспомни край свой суровый:
Мы с тобою единого рода.
Неужели ты вправду забыл про меня?
Говорят, что в скитаньях
Ты нашел благодатную землю,
Где высокое небо
И солнце как жаркий костер.
Будь же счастлив!
Хозяйствуй!
Я с отрадой вестям этим внемлю.
Вспомни братьев своих и сестер!
Думай, брат мой, и пой!
Вороши свою память!
Крупной рыбой я в мыслях твоих проплыву.

Не растаю —
Увидишь сквозь дождь
И сквозь снежную заметь,
Как я нынче живу.
Сквозь века пролетает
Материнское мудрое слово.
Вспомни, брат:
Мы шагали одною тропой.
Вот и снова мы вместе —
Обнялись и увиделись снова.
Я от радости плачу...
Вспоминай!
Плачь от радости!
Пой!

ОСТРОВ МАРГИТ

Как зеленотравая
красавица,
проплывает остров
по Дунаю,—
песенному сердцу
все тут нравится,
ожила душа,
смотрю,
шагаю...
Вижу, дышит дерево, ветвится —
как и я...
И поет, щебечет птица,
как и я...
Солнышко — Маргит,
Богиня Золотая,
на воде расчесывает косы.
В золотую воду я ныряю,
рядом — золотой песок откоса...
И Воды Богиня
обнимает,
солнышко
целует и ласкает,
по воде плыву —
зеленой, синей,
хорошо играть
с Маргит — Богиней!
Может быть, и впрямь они богини —
девушка,
вода
и солнце это?

Я не знаю,
но вода живая
песню так легко качает ныне,
радостью душа моя согрета!

Говорю себе:
скажи на милость,
как же тут,
среди камня городского,
свежесть душ
и леса сохранилась?
Цвета трав лесных —
волна живая,
чудный город
посреди Дуная!

Еве Шмидт, прекрасно знающей мансийский язык и мечтающей работать среди манси

Когда моя рождаться сила стала —
мне света не хватало,
мне ливня не хватало...
Когда мое рождаться сердце стало —
реки мне не хватало...
лесов мне не хватало...
Когда моя душа рождаться стала —
зверей мне не хватало
и рыб мне не хватало...
Когда же, наконец, проснулся разум —
я поняла,
что все мне нужно разом:
высокий свет,
и дикий лес дремучий,
и теплый дождь,
и стаи рыб, и кручи,
таежная седая бесконечность,
и ум живой,
и добрая сердечность...
Пойду в тайгу!
И сердце городское
я оживлю таежною душою —
пусть в каменную нашу современность
войдет тайги живая сокровенность, —
а принесу для жителей тайги я
и острый ум,
и знания городские...

В мире ветра,
в мире воды
я родился, увидел свет.
В доме ветра,
в доме воды
довелось мне жить
с малых лет.
Горе ветра,
горе воды —
вы оставили в сердце след!
У Дуная
стою в тишине —
город каменный
слышится мне...
Щедрый ветер меня ласкает
и живой водой
угощает...
Что за счастье!
Краса и мир!
Разгорается в сердце пир!
Я в раздумье смотрю кругом,
смотрю кругом:
ветровой не забыл ли дом?
Не рассеялись ли
в тиши
брызги той
водяной души?
У Дуная стою в тишине —
город каменный
слышится мне...

* * *

Еве

Материнский огонь не гаси,
И отцовский огонь не гаси,
И братишкин огонь сберегай...

Свой огонь молодой зажигай —
Пусть сильнее он и ярче горит,
Пусть он имя твое озарит!

Человеческим сердцем владей —
И останешься в сердце людей!

КАМЛЕНИЕ ПО ПАБЛО НЕРУДЕ

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Мне приснилось:
Убили меня
На зачатии дня,
На рассвете!
Сапожищем солдатским
Раздавив мое горло,
Вырвали мне язык!..
А заря в это время катила на небо
Огненный бубен солнца.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Волны мечутся,
Камни движутся,
Скачут нечисти,
Ели ежатся.
Хищные песни
Заросшими тиной пастями,
Острозубыми тухлыми пастями,
Щуки поют, бельма выпуча!..

Что стряслось с планетой моей,
Что живого сердца живей?
Неужели пронзило ее
Смертоносной косы острие?
Железный сапог —
Он готов меня растоптать.

Железный штык —
Норовит и в мое сердце!..

Нет, бессмертна планета моя
Под волшебным названием Земля!
Смертен я, но планета моя бессмертна!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Волны мечутся,
Камни движутся,
Скачут нечисти,
Ели ежатся.
Хищные песни заросшими тиною пастями,
Острозубыми тухлыми пастями,
Щуки поют, бельма выпуча!..

О, какая часть света в крови?
Америка? Европа? Азия?..
О, какая часть сердца растерзана?
Перикард? Миокард? Аорта?
Это Чили мое убили!
Это в Чили черно, как в могиле!..
В Чили черная оспа хунты!..

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Волны мечутся,
Камни движутся,
Скачут нечисти,
Ели ежатся,
Хищные песни
Заросшими тиною пастями,
Острозубыми тухлыми пастями,
Щуки поют, бельма выпуча!..

Поднимайся, землянин, мой брат!
Да не будет рыбьим твой взгляд!
К вам, о люди, идет заря,
Свой пророческий бубен даря!

Вы возьмите в руки его,
Вы за мной повторяйте: Кай-о!
Если на горло мое наступили —
Это твое, человечество, горло!
Если вырвали мой язык,
Разве останешься ты безгласно?!
Бубен мой в солнечной звонкой крови
С неба попробуй-ка, враг мой, сорви!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Волны мечутся,
Камни движутся,
Скачут нечисти,
Ели ежатся,
Хищные песни
Заросшими тиною пастями,
Острозубыми тухлыми пастями,
Шуки поют, бельма выпуча!..
Полно пугать! Вы не так уж страшны,
Вы, чьи руки обагрены!

Если погибну —
Стану я Кличем.
Я пробужу равнодушных и спящих!
Смертным заклатьем чревы смердящих
Черных убийц превращу в пепелища!
Стану возмездием я!
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Так ли страшна ты, смерть?!
Острым ростком через твердь
К свету вырвавшись едва,
Произнесу я слова:
Кай-о!..
К солнцу, всемирному бубну,

Стебли свои протяну
И вдохновеннее прежней
Песню свободы начну!
Так ли смертна ты, смерть?!
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Эй, пиночеты!
Какой я страшней —
На двух ногах
Или с тыщей корней?
Бубен мой — вечно живое солнце —
Вам не сорвать до скончания дней!

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ

Где-то там, в заморской дали,
Шепчутся лукаво,
Называя Зауралье
Ведьмою костлявой.

Мол, туземец желтокожий
В ледяной пещере
С рысьим рыком алчно гложет
Человечий череп.

И такую будет вечно
Нечисть узкоглазая,
Желтая старуха-ведьма —
Северная Азия...

Вы, кто с тупостью бараньей
Верите доньше,
Будто все мы, северяне,
Люди ледяные,

Приходите, спорьте с нами!
Спорить мы охотники,
Мудрость русских книг познали
Рыбаки-охотники.

Не сломили нас недуги,
Не страшны метели.
В наших душах чувства-вьюги
Песней зазвенели!

Мы для вас как в снежной сказке
Снежные паяцы,

Людоеды в дикой пляске —
Люди нас боятся.

Мы в снегу, но с кровью южной,
Кружим в легком танце.
Так чего ж от нас вам нужно,
Злые иностранцы?

Мы, рожденные природой,
Мы еще как дети,
Любим рыбу, лес и воды,
Горы на рассвете...

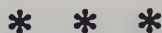
И скрывать мы не умеем
Наши мысли, чувства,
И бледнеем, и краснеем,
Плачем, если грустно.

Глянь же, гость, душою зоркой
На просторы эти.
И, как Миснэ, встав на зорьке,
Край мой свеж и светел.

Надышись кедровой смолью,
Травами лесными.
Если болен — тотчас боли
Как рукою снимет.

Если в сердце горе-льдина,
Всю растопит враз ее
Край мой дивный, край родимый
Северная Азия.

От медвежьих снов воспряла
Юная красавица,
Из-за древнего Урала
Миру улыбается!

Не браните, прошу, пощадите, молю...
Люди, все свое сердце я вам отдаю!
Не терзайте его, потому что я сам
Беспощадно терзаю его по ночам.

О кудрявые рощи российских берез,
О мансийские кедры, кавказский орех!
Я коплю в моем сердце счастливейший смех
И тягчайшую боль человеческих слез.

Люди, люди, я, может быть, очень колюч —
Это только сибирского кедра хвоя.
Я на скалах стою, чтобы, падая с круч,
Омывала меня водопада струя.

Нет, не мутною каплей болотной воды —
Чистой, горной струей мне хотелось бы стать.
Жаркий солнечный луч я хотел бы поймать,
С ним бродить по ночам, согревая сады.

Люди, люди, я часто в глаза вам гляжу.
В них земную любовь и вражду нахожу.
Ничего, если слезы увижу в глазах,—
Лишь бы не было ядерной пыли в слезах...

ПЕСЕНКА ВОРОБЬЯ

ПЕСЕНКА ВОРОБЬЯ

Голова моя — ковшик для чистой воды,
Крепкий хвостик — корытце для псиной еды.
Язычок мой — веселой калданки весло,
А крыло — самолета цветное крыло.
Лапка — курья ножонка избушки лесной,
Спинка — лодка рыбачья с красивой
каймай.

Острый носик мой по льду стучит, как
пешня...
Зачирикал, забулькал я — слышишь меня?

НОЖ-ЯЗЫК

Кто острее меня?
Кто резвей огня?
Чье острие из стали?
Это я — шустрый нож.
Резану —
Как сказану:
Речь ножа
Остра,
Свежа!
Резану —
Как сказану.
Сказану —
Как резану.

БОЛТЛИВЫЙ ЯЗЫК

Хвост выдры болтается:
в чуме шум, гам.
Хвост выдры болтается:
трам-тара-рам!..
— Что за шумный зверь
за зубами сидит?
За зубами шумит.
В чуме шум, гам,
трам-тара-рам!..

— Болтливый язык.

ТИШЕ, ТИШЕ!

Тише, тише! О нем ни слова!
Не пытайте силу таежного слова.
Он не бог и не зверь:
Он лесной человек.
В тайге позабывший речь
Лесной человек.
На нем шкура лохматая.
Его когти остры.
Не для красоты стоят его уши.
За семь лесных речек
Его уши слышат.
Тише, тише! О нем ни слова!
Не пытайте силу таежного слова!
Он семиглазый!
Он семиухий!
Он — хозяин тайги!
Перед хозяином тайги
Силу слова береги!

ХОЗЯЕВА ТАЙГИ

В старину один лишь мишка косолапый
Здесь кору когтями острыми царапал.
А сегодня в темной чаще меж стволами
Люди землю роют,
Ищут жидкий пламень.

Стало сердце зверя маленьким орехом.
Дразнят птицы мишку, лопаясь от смеха.
Мед медведь не ищет и не пьет росу,
Робким медвежонком ежится в лесу.

Люди здесь хозяева, а не глупый мишка!
Выросли на просеках нефтяные вышки.

КРЫЛЬЯ МОИ

Мягкий ветер — крылья метели.
Жесткий ветер — крылья выюги.
На легких крыльях снежинки летают,
След моих лыж за мной заматают.
Сквозь снежный ветер
Вперед я иду.
До теплого дома,
Знаю, дойду.
Все загадки отгадаю.
Что за игрище?..
Узнаю.
Легкие лыжи — крылья мои...

ЗОВ ОХОТНИКА

Эй, звери и зверьки!
Быстроногие, пушистые,
по деревьям ползающие,
по долинам да равнинам бегающие,
по распадкам да ложбинам бродящие,
с верховьев рек согнанные,
равнинные и горные
звери и зверьки,
поиграем с вами в игрушки,
не проходите мимо
моей ловушки.

РАДУЮСЬ ПТИЧКАМ

Порхая с дерева на дерево,
щебечут птички-невелички:
чики-рики, чики-рики!

Иду я меж деревьями,
смотрю, гляжу на птичек,
тихо подражаю им:

— Чики-рики, чики-рики!

— Вслушайтесь-ка, люди, как мальчик наш чирикает.
Не стал бы на самом деле лесной он невеличкой
чики-рики-ричкой.

Порхая с дерева на дерево,
щебетали птички-невелички.

И я начинал чирикать,
чики-чикирикать.

И лес звенел,
качался,
чики-чикирикался.

И люди загадочно спрашивали:

— Кем тебе приходится
птички-невелички,
лесные чикирички?

— Товарищами!— отвечал я.

И снова начинал чирикать звонко,
чики-чикирикать!

И лес звенел, качался,
чики-чикирикался.

ГОНЯЮСЬ ЗА ОЛЕНЕНКОМ

Я гоняюсь за олененком.
Я хочу его поймать.
Олененок быстроногий,
Я хочу его догнать.
Меж кустами белыми:
Прыг! прыг! прыг!
Над снегами белыми:
Скрип! скрип! скрип!
Очень милый теленок,
Тонконогий олененок.
Я хочу его поймать.
Но никак мне не догнать.

СТРИЖ

Ай да стриж,
Смелый воин,
Крылатый воин,
Мститель грозный,
Кровопийца комаров.
Их хватаешь над водою.
Ай да стриж,
Ты смелый воин!

* * *

Птичий хор утихает,
Когда Он летит.
Утки в травах цепенеют,
Когда Он летит.
Даже гуси замирают,
Когда Он близко.
Крылья острые, как сабли.
И глаза — как стрелы.
Над глазами — желтый круг,
В остром клюве — острый зуб.

— Серо-сивая гроза,
Завидущие глаза —
Соколиная атака.

ПЕСЕЦ

Эй, ты славный охотник,
Белоснежный песец,
За кем ты скачешь,
Удалец-молодец?
Горностаева шубка
Неужели белей?
Неужели мяса
Нету вкусней?

ГОРНОСТАЙ

Горностай, горностай!
Ты всех белей на свете.
Носишь шубку белую,
Лапки твои белые.
Белый, белый ветер
Скачет
По белым твоим следам.
Горностай, горностай,
Засыпал снегом
Ты весь край!

Спи, моя лаечка.
Спи, моя лапушка.
Утром на снежок ты выйдешь.
И следы ты там увидишь.
Звериный след —
Как звездный свет...
С ума сводит
Вас, лаек, звериный запах.
О, как ты залаешь,
Когда звериный запах учуешь!
Спи, моя лапушка, зверюга.
Спи, моя лаечка.
Спи!

ПЕСНЯ РЫБАКА

Над рябью тихой реки
Летит, порхая, кулик.
Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?
Лодка моя пуста.
В ней нет ни ружья, ни стрелы.
Чиста и душа моя:
Малюток твоих не трону.
Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?
Или хочешь ты весть
Первым в деревню принести,
Что по тихой вечерней реке
Лодка моя плывет?
Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?

МОЯ ЗАГАДКА

В высоком бору
конь-великан идет.
По колено ему
даже кедры и ели.
А железные глаза его
звездами горят.
А от гулких шагов его
дрожит вся тайга.
И куда устремлен
его железный шаг?

— Конем-великаном в бору
стоит буровая вышка.

* * *

Волшебная вода бежит
в железных берегах.
Железные берега лежат
в белых снегах.
Бежит та вода,
горит та вода...
Скажи-ка, дружок,
что за вода в железных берегах течет?
Почему ей такой
особый почет?

— Золотой рекой ее величают.
Тюменской нефтью ее называют...

СТАРЫЙ ПЕС

На снегу пылает солнце.
В небе — синь без края.
Белка резвая на ветках
В серебре играет.

Белка скачет, звездный иней
Сыплет в глушь лесную.
А под сосенкой кудрявой
Старый пес тоскует.

Старый Ханси кружит с лаем,
Ствол кусает, крошит:
Ждет, когда придет хозяин,
Друг его хороший.

Целый день напрасно лает,
Кличет на охоту.
Погрузился лес унылый
В зимнюю дремоту.

Пес не знает: почему же
Друг к нему не вышел,
Почему хозяин чуткий
Зова не услышал?

Облетает звездный иней
С молчаливых сосен,
Запахом зверька лесного
Нос щекочет песий.

Хочет пес, чтоб трепетала
Белка в черных лапах.
Хочет он вдохнуть седого
Дыма горький запах.

Все играет белка, скачет
В искристой вершине,
Все дрожит и гнется ветка,
И слетает иней.

Неужель он сердце друга
Разучился трогать?
Неужель его охоты
Пройдена дорога?

ЛИСИЦА

Где ты, где ты
лисий след?
Вьется вьюга —
следа нет.
«Вий-ю, вий-ю»,—
ветер злится.
«Там, там, там
бежит лисица!»
Мечет конь копытом белым
голубого снега стрелы,
и, озлившись на мороз,
в нартах взвизгивает пес.
«Вий-ю, вий-ю»,—
ветер злится.
«Там, там, там
бежит лисица!»
Где узор от лисьей лапы?
Где живой и теплый запах?
Конь-огонь,
лиса-огонь.
Не сдается быстрый конь!
«Вий-ю, вий-ю»,—
ветер злится.
«Там, там, там
бежит лисица!»
Как во сне,
все ближе, ближе
я твою улыбку вижу.

С тонких плеч твоих
лисица
на меня хитро косится,
а в твоих глазах иное
вижу:
ты довольна мною.
«Вий-ю, вий-ю», —
ветер злится.
«Там, там, там
бежит лисица!»
Рыжей молнией сверкнула
и растаяла лиса.
Плетка прыгнула,
стегнула,
брызнул снег под небеса.
«Вий-ю, вий-ю», —
ветер злится.
«Там, там, там
бежит лисица!»

Я САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МАНСИ

Я самый счастливый манси.
Я самый великий охотник.
Ни у кого нет такой собаки,
Как моя остроглазая лайка.
Острым собачьим взглядом
Осмотрит каждый кустик,
Чутким собачьим нюхом
Обнюхает каждую веточку.
В каждой снежинке звонкой
Ищет запах зверя.
Если зверь мудроногий
Даже следа не оставил,
Учуёт его собака,
Моя чуткомудрая собака.
И сложит когтистый зверь
Передо мной когтистые лапы,
Погасив свои звезды-глаза,
Подарит священную шкуру.
Вот какая моя собака!
Удивительная собака!
Я самый великий охотник.
Я самый счастливый манси.

В морозной свежести земля,
И шубы в бисере на ней.
Зима спешит, снежком пыля,
Под стук копыт, под скрип саней.

В пушистом инее леса
Сверкают золотом насквозь.
Костром в кустах мелькнет лиса,
В снегу по грудь проходит лось.

Пушистый снег, морозный день
Зовут меня, мансийца, в лес,
По следу твоему, олень,
Спешу с ружьем наперевес.

Зима спешит, снежком пыля,
И сердце с ней, и счастье с ней.
Люблю тебя, моя земля,
И стук копыт, и скрип саней!

* * *

Олени ветвисторогие,
Я в лес вас выпускаю.
Набирайтесь жиру
На лесных полянах мшистых,
Где ягель бел, как сало.
Пусть и сало будет белым,
А мясо душистым-душистым,
Как настой брусничный...
Олени ветвисторогие,
Я в лес вас выпускаю.

МОЙ КРЫЛАТЫЙ КОНЬ

А у меня есть конь.
Крылатый конь.
Но красуется конь мой не крыльями,
А быстрыми, как молния, ногами.
Из-под копыт звезды сыплются.
И в глазах звезды.
А на лбу одна большая рыжая звезда.
Когда летит звезда — облака качаются.
А хвост моего коня — длинное белое облако.
А грива — как радуга.
А спина белая, горностаевая.
Но скачет мой конь как соболь.
Нет, не скачет, а летит конь мой.
Летит конь мой как стрела.
Тело моего коня как стрела,
Оперенная орлиным пером.
Орлом летит конь мой.
И я хочу лететь орлом.
Только мне
Никак не сесть
На моего коня.
Крылатого коня.

КИСОНЬКА-ОХОТНИЦА

- Мяу, мяу, кисонька,
черноглазая кисонька.
А зачем тебя бабушка
прутиком била?
- На озеро ходила.
- Мяу, мяу, кисонька,
черноглазая кисонька.
Зачем ходила?
- На озере утки.
- Мяу, мяу, кисонька,
черноглазая кисонька.
Зачем тебе утки?
- Утки жирные, вкусные.
- Мяу, мяу, кисонька,
черноглазая кисонька.
Разве ты охотница?
- А кто же я по-твоему?
- Мяу, мяу, кисонька,
черноглазая кисонька.
А кто же снимает сметанку
с горшков у бабушки?
- Утки крылатые.
- Мяу, мяу, кисонька,
черноглазая кисонька.
А зачем тебя бабушка
прутиком била?
- На озере утки жирные.
В горшках сметанка вкусная.
Ой, какая вкусная!
Мяу, мяу, вкусная!..

ПЕСЕНКА СИНИЧКИ

— Синичка, синичка!

Куда ты летала?

— На небо летала,

Счастья искала.

— Нашла ли ты счастье?

— Конечно, нашла.

Едва удержали его два крыла.

Казалось, до гнездышка не донесу.

— А где же то счастье?

— Осталось в лесу.

— А где же тот лес?

— Обернулся огнем.

— А где же огонь тот?

— Погас под дождем.

Согрел тот огонь дождевые ручьи.

— А где же ручьи те?

— Слизнули лучи.

— А где же лучи?

— Поутру запою,

Лучи подниму я на ветку свою,

Рассеется тьма,

Засверкает трава,

От счастья закружится голова.

— А где же то счастье?

— В ветвах... и в огне...

В дожде и в лучах...

И меж крыльев во мне.

Местечко себе оно выбрало то,

Где в мае любовь себе вьет гнездо.

ОГОНЬ НА ОГОНЬ

* * *

Мне сказывали, прадед мой
Стрелком отличным был.
Он в руки брал свой лук тугой
И белку в глаз разил.

О, если б мне так жизнь прожить,
Чтоб песнею своей
Вот так же метко находить
Пути к сердцам людей.

Родился я под светом северной ночи
В лодчонке калданке на плесе реки.
Струился у губ моих сумрак молочный,
На плес просочившийся сквозь тростники.
Бурлила вода за кормою калданки.
Качала как люлька калданка меня.
Баюкали волны, косматые няньки,
Под алчную звень косяка комарья.
Их жала — как иглы.
И плакал я в зыбке.
Плясали в ней рыбы,
Свиваясь в кольцо,
А чайки смеялись.
Ложились улыбки
Крылатыми тенями мне на лицо.
— Курлы-кур-лю-ли!—
Выгортанивал лебедь,
И я повторял:
— Кур-лю-ли... Кур-лю-ли...—
Ушастые ветви, услышав мой лепет,
Качнулись, дивясь,
И коснулись земли.
И ветер, порывистый, синеязыкий,
Помчал мое слово в прибрежный тростник
И передал шепотом заросли зыбкой
Души лебединой уловленный крик.
Пропел это слово он сосенкам-струнам,
Что тянутся в небе над быстрой водой,

И лайке-собачке,
И тоненьким струям
Студеных ключей
У тропинки крутой...
Мне чудится сказка сияющей ночи:
Лодчонка калданка,
Волна на лету.
Подхваченной пены шипящие клочья
Срываются с весел,
Текут по борту.
Так пусть меня гребни все выше бросают,
Как волны судьбы, что пока
Так добры.
Хочу,
Чтобы только нечасто кусали
Меня длинноносые здесь комары,
Чтоб только допеть мне
Запев лебединый
До ночи, что черные крылья растит.
Пусть белая ночь мне вплетает седины,
Пусть чайкой смеется,
Кукушкой грустит.
И пляшут пусть рыбы мне вплоть до причала,
И горе-печаль пусть не ставит мне сеть.
Реку не удержишь.
Пусть ветер крепчает,
Пусть песню разносит —
А я буду петь.

ГЛАЗА

Не тревожьтесь, если хмуро
Поглядят на вас:
Бойтесь узкого прищура
Хитрых, скрытных глаз.
Это значит: беды грянут!
Это значит: лук натянут,
И хватает стрел,
И распахнутое сердце,
И доверчивое сердце
Взято на прицел!

Не тревожьтесь, если хмуро
Поглядят на вас:
Бойтесь узкого прищура
Хитрых, скрытных глаз.
Кто сказал, что так вот смотрит
Лишь пытливый ум,
Что прищурка — лишь от солнца
И высоких дум?

Если волку смотришь в очи —
Видишь: это враг.
В них — лесной, недоброй ночи
Леденящий мрак.
Я люблю глаза олени —
Зрелых две луны.

В них — нелживое томленье,
В них отражены
Наши дали, наши елки,
Чистый, свежий наст —
Все, что в памяти и в сердце
Навсегда у нас.

И еще — глаза ребенка!
Радость в них живет:
Глянешь — кажется, что звонко
Запоют вот-вот.
Это — две рассветных птицы,
Вешних два ручья.
Хоть не слабый — перед ними
Беззащитен я!

Я не взвешиваю сухо
«Против» или «за»:
Вечно верю вам, живые,
Вечные глаза.
Верю свято, безоглядно
И целую вас...
Не встречать бы только этих
Щурящихся глаз.
Пусть ослепнут! Пусть растают,
Как дурные сны,
Как над лесом не ущербе
Узкий серп луны...

ВРАГИ

Я без друзей — не могу.
Я без них не могу, как без свежей
Трепещущей рыбы!
Враги...
Когда их нет,
Я как лед на реке таю под солнцем,
Я бегу, бегу,
Как конь без узды!
Я бегу, как ручеек,
Как безымянный ручеек,
Что безымянен так,
Как палец безымянный!
Враги...
Они, как звери, встают на пути.
На том пути, где мое сердце
Бежит на лыжах!
Во мне просыпается охотник!
Душа моя напрягается,
Как тетива
Изогнутого лука.
А глаза мои —
Острее стрел!
Я поднимаю своим взглядом
Зверя на дыбы
И сам поднимаюсь
Во весь свой таежный,
Таежный, медвежий рост...
Я становлюсь морозом —
Я жгу, как мороз!

Я становлюсь костром —
Я жгу как костер!
Я сам поражен
Своим пламенем!
Недруги моей земли,
Знайте: тот лед на реке,
Что растаял под солнцем,
Испарившись, превратился
В тучу, в тучу, держащую
Молнию в руке,
Превратился в гром...
Но и сама река
Может стать льдом!
Знайте, недруги:
У меня, покладистого,
Есть сила...
Или, увидев, что я силен,
Вы сделаетесь подобострастными?

ОГОНЬ НА ОГОНЬ

Кто простит мне молчанье,
Если длинен язык у огня,
Если скачет огонь по тайге вороватою
рысью?

Если кедра-красавца изгрыз и обуглил
огонь?

Кто простит мне, скажите, молчанье
чувства и мысли?

Я не смею молчать.

Я обязан, как ветер, взлететь,

Я обязан, как знамя, взлететь над

трибуною красной.

Острой молнией стать,

А потом, словно гром, прогреметь

И обрушить огонь на огонь,

Чтоб недоброе пламя погасло!

Только встречным огнем укрощается

злоба огня.

Перед злобным огнем на молчанье нет

прав у меня.

Я невежлив, как вьюга,

И несдержан я, как половодье,—

Так толкуете вы обо мне

И зовете к молчанью.

Но я вижу, как солнце вы мажете

черною сажей,

И не выдам я солнца,

И цветов не отдам я,

И людей дорогих не отдам

Языкам вашим на поруганье.

Говорят, неуживчив я?
Но со всеми ужиться нельзя.

Серебристой плотвичкой довольна
зубастая щука,—

Я не буду плотвичкой.

Я, как малая стерлядь в колючей
кольчуге,

Буду храбр и опасен свирепой
прожорливой щуке.

Жизнь — как битва с морозом!

Не кончена битва, не ждите!

Нет, елейный язык не сумеет тепла
отстоять!

Вы браните меня, вы лесной росахой
рычите,

Но порывистой ветра взлечу я над
красной трибуной,

Чтобы правду людей отстоять!

РОГА

Есть рога у каждого быка,
И они
 хранят породы честь.
Есть —
 у безобидного жука,
У овцы и той —
 обычно есть.
Есть и у оленя
Для врага
Гордые опасные рога;
В облака
 иль в синие стога
Лунный серп
Вонзил свои рога.
Есть у черта,
 точно кочерга,
Волосней облипшие рога...
А зачем —
 сам черт не разберет!
Не беда —
 я не беру их в счет...
Вот когда они,
 добру назло,
Есть у человека самого,
То добра
Не ждите от него.

ЛИЗОБЛЮДЫ

Вечно что-нибудь да просят...
Как земля вас только носит?
Лизоблюды, вы — собаки,
Только вы боитесь драки,
Ждете, чтобы вам упало
Со стола хозяев сало...

Пес, он хоть воров пугает,
Держат пса затем, что лает.
Вам же лаяться — не лаять,
Вам дано друг друга хаять,
Воздвигая сплетен груды...
Вы не люди — лизоблюды!

ЕСЛИ ТЫ ПРАВ

Вырастешь ты —
На Оби серебристой
Станешь ловить золотых
муксунов.

В страшном лесу
Повстречаешься с рысью,
К этой и к новой победе
готов.

Дом ты построишь большой
и пригожий.
Детям подаришь раздолье
тайги.

Дедушку с бабушкой
в землю положишь

Посередине зеленой пурги.
Все ты пройдешь —
И огонь, и ненастье,
Бури и грозы, и звездную
тишь —

Только в груди
Материнское счастье,
Сердце отца
Навсегда сохранишь!
И снизойдет та великая мудрость
В жилы твои средь ликующих трав,
Что никогда не кончается юность,
Жизнь не кончается,
Если ты прав!

ГРОЗА

Пьет реку радуга-дуга
Сквозь золотые перья.
Ломают молнии рука
Тяжелые деревья.
Пляшет дикая волна
Под плеск и грохот грома.
Как рысь, кусается она,
Как лось, она огромна.
И только лодка рвется вдаль.
Так повелось от века.
Я знаю: буря не печаль
Для сердца человека.
Сколько раз в тяжелый спор
Бросался, брови хмурия.
Он встретит вновь его в упор,
Коль снова грянет буря.

СОБОЛЬ

У черного соболя
Повадка особая...

...Вдруг прыгнул, красавец,—
Во рту уже заяц.
С ласковой ленью
Подлезет покорно:
Миг — у оленя
Прокушено горло!
...Нырнули б в омут
И выжить могли бы!
Плачут и стонут,
Буйствуя, рыбы.
Полюбовались
Гладкостью шкуры!
Вот и нарвались.
Дуры вы, дуры...

МЕЛОДИЯ РЫБАКА

Белые волны — как снежные гребни,
Снежные гребни — как белые волны.
Смелый рыбак, ты смотри не погибни —
Жизнь над тобою не властна сегодня,
Если в руках твоих гнется весло,
Тяжелое, как ремесло.

Нынче река как огромное небо,
Небо — как будто река в половодье.
Звезды, как рыбы, толкаются немо,
В тучи заходят и резко выходят.
Небо и эта большая река
Качают судьбу рыбака.

Месяц — ущербная старая лодка —
Трется израненным днищем шершавым
То о мерцанье галактик далеких,
То о прибрежные черные травы.
Эта путина — как яростный бой
С судьбою своей и собой.

С дальними рыбами-звездами взглядом
Встретиться трудно — так лодку качает,
А с осетрами гранеными рядом
К горлу клокочуще смерть подступает,
Яростна, всходит с тяжелого дна,
Как темная ночь, холодна.

Только вы, смелые люди, поверьте:
Там, где трепещется нельма живая,

Запах у жизни сильнее, чем у смерти,
Властней, чем хватка ее ножевая!
Жизнь — это все, и дрожат плавники
Над злым половодьем реки.

Буря крепка, и жестока эпоха,
Но во Вселенной бессмертно несется
Эхо от тысячелетнего вздоха
Неба, воды и горячего солнца!
Вдох, словно цвет или запах, поет —
И снова надежда живет!

Слышите, Землю скребущие люди,
Не разорвите извечные кольца!—
С небом, с водою и с вами что будет,
Если последняя рыба плеснется,
Сгинет в трясущейся атомной мгле
На гулкой и грешной Земле?

Вспыхнет последняя рыба большая —
Это рыбак на последней лодчонке,
Вместе с последней звездой догорая,
Вскрикнет — и связь оборвет навсегда
С тобой, золотая вода...

Но, за волною волну пригибая,
Держишь, рыбак, ты весло свое крепко —
И не сорвется Земля голубая
С сильных ладоней двадцатого века!
Вечна, товарищ, твоя колыбель —
Земля и таежная ель!

ЗАКЛЯТИЕ БРАКОНЬЕРА

Строй города, дороги строй,
Как человек большой!
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой!

А если жаден ты и зол,
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом —
Строкой из гневных слов.

Пускай ослабнут у тебя
Колени, хворый пес,
Чтоб не топтал траву, губя
Десятки птичьих гнезд.

Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда нелепый твой топор
Начнет кромсать тайгу,
Чтоб не расплакался навзрыд
Мой заповедный край,
Чтоб не был соболь перебит,
Не вымер горностаи!

Пусть примет на десять когтей
Твою башку медведь,
Когда муксуновых детей
Твоя наловит сеть.

И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодь в рост пойдет
Внутри тебя — и костью в кость
Насквозь тебя проткнет.

Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой!

ГОЛОС ЗЕМЛИ

Я слышу властный голос человека:
«Земля,
Отдай сокровища свои,
Ты мне должна!»
Но, сын мой, почему?
Иль потому, что ширь тайги бескрайна,
А грудь моя еще глубоко дышит?
И почему лишь я тебе должна?
Иль потому, что голубой огонь
Моей души ты превращаешь в газ
И тянешь кровь, назвав, живую, нефтью?
Но вены оскудеют, если пить,
Роняя капли,
Жадно грудь кусая,
Как несмышлениш пьет...
Приходит время
Тебя своим считать мне должником!
На кедре сидя,
Сук не подрубай!
Коль все возьмешь —
Не будет кедров —
Век твой отшумит...

К СУДЬЕ

Мольба моя собольим мехом стелется!
Слова мои звериным мехом стелются!
Послушай их, всеслышащий судья!
Вот дождевая капелька. Безделица!
Но если очень ждет ее земля
И если, пав, она людей порадует,
Пускай быстрее она на землю падает —
Так, люди, муза думает моя!

Взгляни, судья, в мою родную сторону,
Услышь, судья, мою родную сторону!
Ее угоды издавна щедры.
Раскинула, как скатерть, свой простор она,
Расставила на скатерти дары.

Тайга шумит, зеленая, как море,
Зверье — что рыба в шубе меховой!
А в реках, что сияют, с небом споря
Безбрежной широтой и синевой,
Гуляют осетры, горды, как шхуны,
И нельмы — как серебряные луны.

Нефть, жир земли, струится в недрах черных,
И рада рать разведчиков упорных,
Ее навверх из темноты подняв,
У сумрачной соперницы отняв!

Но помните, о земляки, земляне,
У радости глаза — всегда в тумане,
Сама себе она туманит взор.

О, если только слышать вы могли бы,
Как в толщах вод сегодня плачут рыбы,
Как стонет соболь в недрах темных нор!
Попробуйте-ка сами той водицы,
В которой плавать рыбам суждено!
Нет, в наших кранах — чистая гнездится,
А все, что мутно, грязно и черно,
Все, что зовем уклончиво «отходы», —
В лицо природе плещем, как враги,
И не рассвет расцвечивает воды,
А жирные зловонные круги.

Судья и все присяжные, отбросьте
Хотя б на время прочие дела!
Напоминаю вам, что мы не гости —
Хозяева у щедрого стола.
Чтоб этот стол не оскудел навеки,
Не вымидали звери и зверьки,
Чтоб в некий день не запылали реки,
Самой природе вечной вопреки,
Давайте думать все, пока не поздно!
Земля одна, и нет второй земли.

Над ней сегодня снова небо звездно,
Готовы к стартам чудо-корабли.
Тебе привет мой, звездная эпоха!
Но говорю уверенно вполне:
Того, что Землю берегли мы плохо,
Нам дети не простят и на Луне!

ГАРМОНИЯ

Василию Андреевичу Попову

Да.

Лишь тогда достоин человек
Похвал, когда он долг

исполнит высший —

И в битве, сотрясающей

наш век

Порою до грозы

и пепелища,

И в ненависти гневной,

И в любви,

Что слаще дня весеннего

и хлеба,

Когда гудит,

Как колокол,

В крови

Неукротимый дух Земли

и Неба,

В труде,

Когда Огня, Воды цена

Во имя жизни каждого

народа

Лишь главному всегда

подчинена —

Гармонии ликующей

Природы.

МЕРИДИАН БРАТСТВА

МОЯ МОСКВА

Умолк моторов гром,
И твой аэродром
Меня встречает вновь
Рассветным серебром.

Москва, моя Москва,
Отечества глаза,
Священный праздник мой,
Тобой душа жива.

Я становлюсь добрей,
Я становлюсь щедрей
У золотых твоих распахнутых дверей,
Распахнутых дверей.

К тебе мои мечты,
Моя отрада — ты,
Твой светел Новый год,
Как солнце с высоты.

Забыв любую грусть,
В глаза твои гляжусь,
Хоть синий их простор
Я знаю наизусть.

Мое прозрение — ты,
Мой слух и зрение — ты,
Твои чисты мечты,
Свершения чисты.

Ты всех отцов щедрей,
Всех матерей добрей,
И преданный твой сын
С тобою всех бодрей.

Твой сын — дитя пустынь,
И витязь гор — твой сын,
С Невы или с Оби
У всех нас путь один.

Наш путь, Москва, — к тебе,
В работе и в борьбе
Мы все приобщены
К родной твоей судьбе.

Отечества исток,
Надежды лепесток,
Москва, моя Москва —
Души моей восторг.

К тебе мы припадем —
И в новый путь идем,
Твой свет в душе храня,
Зарю большого дня...

Здесь, где дождь и прохлада
Освежали мой лоб,
Отдыхал я когда-то
От охотничьих троп.
Здесь, как невскую влагу
И гранитный настил,
Я перо и бумагу
На столе полюбил.
Здесь, как зверя лесного,
Я искал свой мотив
И заветное слово,
Стол рукой обхватив.
Пусть асфальт — не болота
И фонарь — не звезда,
Только эта охота
Вряд ли легче, чем та.
Словно мучимый жаждой,
Брел по дебрям густым...
Но однажды, однажды
Я проснулся другим.
Словно мне подарили
Скакового коня.
Как стрелу, запустили
В даль сырую меня:
То не конь был, не птица!
Птица так не летит!
Да и конь побоится,
Что в овраг угодит.
То помчался мой разум,
Встрепенулась душа,
Невским дубом и вязом
И прохладой дыша.

САЛЮТ НАД НЕВОЙ

Лишь светлый вечер синевою
Коснется улиц на ходу —
Я, как мальчишка, над Невой
Салюта праздничного жду.

И он встает в полнеба снова
Раскатом грома надо мной
То золотистый,
То багровый
В огромной радуге цветной.

Как будто в огненное чудо
Вдруг превратились все цветы
Моей родной весенней тундры —
И расплескались
С высоты.

Огни налево и направо —
Как будто празднично светло
Над городом Великой Славы
Сиянье Севера возшло.

Цветет торжественно и броско
Над всей ликующей Невой,
Над Стрелкой Василеостровской
И над «Авророй» родной.

Встает над Вечными огнями,
Над Петропавловкой седой
И, рассыпаясь лепестками,
Соединяется с водой.

Салют, как солнечная птица
В высоком звездном вираже,
В глазах восторженно искрится
И отражается
В воде.

И кто-нибудь сумеет разве
Когда-нибудь остановить
На улице Советской праздник
И жажду вечную —
Творить!

И как за подвиги награда,
Нам после вахты трудовой
Гремит салют над Ленинградом,
Гремит над гулкою Невой!

И вижу я сквозь расстоянья
Средь светлых праздничных шагов
Свое полярное сиянье
Над белой памятью снегов.

МОЙ ЛЕНИНГРАД

Я вижу город свой —
Любимый Ленинград.
Теперь моя душа —
Его души частица...
Он — каменный мой лес,
Священная гора,
Ему из чащ лесных
Пришел я поклониться.

В тот самый миг, когда
Его увидел я,—
В тот миг мои глаза
Широкий мир открыли:
Здесь я нашел тебя,
Песнь юная моя,
Здесь выросли твои
Стремительные крылья!

И вот меня зовут
Дороги дальних стран,
И я иду вперед по всем,
По всем меридианам...
Меня качает
Мирозданья океан,
И небо над Невой
Клубится океаном...

Какие я в пути
Ни встречу города,
К тебе, мой Ленинград,
Путь вечный, неизменный.

Ты — мой Великий Дом,
Ты — светлый храм труда,
Отсюда свет зари
Пошел по всей вселенной.

ДОМ НА МОЙКЕ

Сердца стук,
И окрик одинокий,
И снежинок белых забытьё...
Будто я с горы лечу высокой,
Сердце тяжело падает мое.
Смерть скользнула
 тенью ледяною
В этот дом,
 летящий сквозь буран.
Песнь твоя
Широкою Невою
Вырвалась, бушуя, в океан.
На снега России
Кровь струится,
Проступает взгляд
 из забытья...
Все на свете
 может позабыться —
Боль не позабудется твоя.
Ты свой дар у времени похитил
И наш жребий
Сквозь метельный шквал
За семью озерами увидел,
За семью печатями узнал.
И калмык, придя,
 застыл у входа,
И молчит тунгус, не пряча слез.
Я тебе
От своего народа
Благодарственный поклон принес.

Полночь за окном стоит, как небыль,
Век прошел,
Но не остыл свинец...
Больше, чем пушинок в черном небе,
Верных твоей памяти сердец.
В дом твой входим,
А вокруг — просторы,
Вся в снегу лежащая земля,
И не полки высятся, а горы,
И на них не книги — соболя.

Оживают книги, оживают...
Снег и звезды кружат за окном...
И застыли люди, ожидают:
Вот сейчас
Войдет хозяин в дом!

ИДЕМ К ПУШКИНУ

Никнет трава зеленая,
Смятая грузной ношею.
Толпы разноплеменные
Топчут ее подошвами.
Прости нас, земля былинная,
Что ропщут твои растения,—
Сама же взрастила сына,
Который избегнул тления,
Омыла водой живую
Лиру его свободную,—
Так что же ты мнишь травую
Тропу зарастить народную!

Я тоже иду средь лета
По этой тропе великой.
Он ждал меня дольше века,
Тунгуса из тундры дикой.
Вот я какой шагаю —
Прямо из предсказания!
Над головой пылает
Северное сияние.
Мне эти края чудеснее
Языческого поверия:
Деревья, певца ровесники,
Поскрипывают как перья,
Колышутся ветви-мысли,
Волнуются строки-листья.
А чьи там глаза мерцают,
Подобно озерам чистым?
Взгляд их глубок и влажен.

Какая в нем дума вещая?
О чем мне поэт расскажет?
О славе или о вечности?
Да нет же, совсем не это
Читаю в глазах поэта:
Все учит меня, все учит
Он жизни земной, кипучей,
Прекрасной, как ночи белые,
Опасной, как вьюга белая...

Ох, слишком легка в полете
Свинцовая тяжесть пули...
Так что ж вы и нынче, люди,
Неправые пули льете
И чья-то злоба грозитя
Душить и калечить песни?..

А мне, как ему, за тридцать,
Навечно он мой ровесник!
Нам любо вести беседы
Под этим шатром зеленым.
Поэт говорит с поэтом,
Таким же, как он, влюбленным,—
Про чудное то мгновенье,
Про светлую ту богиню,
Что вечным стихотвореньем
Живет среди нас и ныне.

О жизнь! Красота и дума!
О таинство белой ночи!
Языческий и безумный
Разлив соловьиных строчек!
Бессильная никнет пуля,—
По зарослям, по опушкам,
Приветствуя и ликуя,
Идет нам навстречу Пушкин.

Земные тревоги ведая,
Идет он в мое столетие,
Как дух из преданья дедова,
Что сеет добро на свете.
Вселяясь в людей, нетленно
Живет дорогое имя!

Терпи нас, земля священная,
Не дорожи, священная,
Травами молодыми!
Идем за прозреньем к Пушкину,
За чудным мгновеньем —
к Пушкину!
Как к роднику — к Пушкину,
Видишь, идем, земля?!

БУРЯТСКИЙ ОБЫЧАЙ

Есть в Бурятии обычай:
В час большого торжества
Перед гостем, в знак вниманья,
Ставит голову баранью
Старец — пиршества глава.

Нынче я званым гостем сижу на пиру,
Нынче я тот подарок с поклоном беру!
Нож мой скажет: «Спасибо!»— и срежет сперва
Добрый ломтик со лба твоего, голова.

Этот славный кусочек, серьезность храня,
Кину в небо осеннее! С этого дня
Пусть лишь доброе солнце над нами горит,
Пусть лишь доброе в мире навечно царит!

А потом, как саблей, срежу ухо!
Те, кто носит сплетни, сеет беды,
Пусть лишатся на сегодня слуха,
Пусть не слышат дружеской беседы!

Ну а если кто из них случайно
Все-таки подслушает хоть фразу,—
Пусть не сможет выдать наши тайны,
В знак чего — язык отрезан сразу!

А после, сделав все, чему
Обычай научил,
Верну я голову тому,
Кто мне ее вручил.

Счастливым будь, мой брат бурят,
Пусть минет нас беда,
Пусть звезды добрые горят
Над нами навсегда.

А он кивает мне опять —
И слышу не впервой:
— Так, друг! Не только пировать —
Жить надо с головой!

ПЕВЦУ ВОСТОКА

Ануару Алимжанову

Каков же ты, певец Востока,
джигит, что оседлал коня,—
а конь тот славный — это слово?..
Несешь стрелу тысячелетий,
где мудрость древних — опереньем?..
Пчелою по степи летаешь,
чтобы нектар собрать, чтоб встречных
одним лишь медом угощать?..

Веками был певец Востока
тем, кто курил своим султанам,
своим правителям — всем баям —
словообильный фимиам.
Струился дым от благовоний
тех слов, сжигаемых у тронов.
Сладкоязычные поэты —
им в лести равных не найти!
Ученый муж терзал бывшее
в своих словесных упражненьях
и уходил туда всем сердцем
от болей суетного дня.
Певец Востока, словно в спячке,
в плен пыльной древности сдавался...
Вот такова была легенда,
певец Востока, о тебе...

Каков же ты, певец Востока?
Я стал прислушиваться.
Слышу —
напев и сильный, и призывный —
поет Советский Казахстан.

Здесь слово пахаря,
шахтера
и чабана в степи предгорной.
Здесь слово матери —
и ласка,
и наставленье в дальний путь.
Здесь слово девушки-казашки —
его не слышать невозможно!
Здесь
с веком в лад
в степи бескрайней
поет могучий Байконур.

Когда отсюда в звездный Космос
поплыл корабль,—
Земля узнала,
что может
голосом Вселенной
запеть сегодня человек.
Земля прислушалась —
и тайны,
те, что скрывает бесконечность —
галактик млечные туманы,—
ей стали ближе с той поры...
И ты, ты этому свидетель,
певец казахского простора!
И прежнего певца Востока
ты величайей во сто крат!
Корабль твоей мечты и мысли
летит с уверенностью света,
казахским голосом гортанным
о жизни нашей говоря.

А я — сын снега, сын лесов таежных —
на том же корабле лечу, с тобою,

и горд, что рядом — слово русской песни
и слово всех певцов моей страны.
У нас одно с тобою вдохновенье,
одна забота о людском согласье.
И пусть горит костер великой дружбы,
где раньше тлели злоба и вражда!
Мы складываем песни человека,
хозяином идущего по жизни,
достоинства в той песне воспевая
всех языков, всех наций и всех рас.
И потому глаза народов мира
устремлены на жизнь Страны Советов.
А уши тех, кто хочет правду слышать,
не могут наших песен не ловить.

Я понял: больше нет певца Востока
в том старом, в том легендой ставшем смысле —
есть Байконур, есть звездные орбиты,
есть нашей современности корабль.
Ну а на нем — творцы победных песен,
мечты и человеческого духа.
И это их сердцами, их устами
эпоха созидания поет.

Спасибо за науку, Казахстан!
Ты объяснил своею гордой песней —
есть новый смысл в словах «певец Востока»!
Я это понял в солнечной степи
и в солнечных предгорьях Алатау,
ликуя на гуляниях народных
и думая в тиши, наедине.
Спасибо, Казахстан!

ПЕСНЬ АЗЕРБАЙДЖАНУ

Герою Социалистического Труда

Ф. К. Салманову

Я ликующий Юван, веселый шаман,
На песчаном морском побережье стою,
Размышляю, пою.
И бормочет, и светит, и брызжет волна,
В шумной пляске кружась на морском валуне,
Тянет нежные руки ко мне.
Разгорается Каспий — веселый костер,
Животворный огонь согревает меня.
Я стою у огня.
Что за шумное игрище — этот прибой?
И дано ли на северной певчей струне
Красоту эту выразить мне?..

Я знаю другое море,
Большое Белое море,
Что, белой волною пенясь,
На белых волнах качает.
Оно обжигает стужей,
И огненным полукружьем
Вечернее небо тундры
Пытливый мой взгляд встречает.
О белое море снега!
Костер золотого неба!
Вопросам моим и зовам
Молчаньем вы отвечали...
И сколько себя я помню,
Все плавал я в том огромном
Великом студеном море,
Чьи волны меня качали.
Легко ли деревьям белым
В безмолвье оцепенелом?

Стоят они неподвижно,
Подобно застывшим волнам.
Земля — только снег да иней,
Но небо зовет к жизни
Глазами звезды Полярной,
Венцом семицветных молний.
Все вечное это чудо —
Повсюду оно, повсюду:
Над северной тундрой блеклой,
На юге — над морем теплым.

Море колотится
В берег отлогий.
Катится море
На берег отлогий.
Море волнистое,
Море гористое
Брызжется теплою
Солью искристою.
Что за веселое
Громкое игрище?
Великолепное
Шумное игрище?
Море-кудесник,
Море-шаман —
Азербайджан?
Азербайджан!
Что за земля —
Красота златоокая?
Может быть, низкая?
Может, высокая?
В гору ли, под гору
Быстро бегущая?
Югом ли, Севером
Славу несущая?

Нефтью, вином ли
Своим ароматная?
Может быть, нищая?
Может, богатая?
Именем знатная,
Поступью статная,
Голосом звонкая,
Вышивкой тонкая!
Может, закатная?
Может, рассветная?
Что за страна
Среди множества стран?
Азербайджан?
Азербайджан!
Кас!
Кас!
Кас!
Кас!
Кружится солнце —
Белый шаман!
Кас!
Кас!
Кас!
Кас!
Азербайджан?
Азербайджан!
Зовут Азербайджан землей огня.
Но не обманешь именем меня.
Горячая земля над морем синим
Да будет зваться золотой богиней.
Нет, не во сне языческом моем,
А наяву ее сегодня вижу.
Сверкая добрым, солнечным огнем,
Она ко мне подходит ближе, ближе...
Вот, золотые руки распластав,
Она летит по сцене, словно птица,

На нефтеносных каменных пластах
Мерцает факелом золотолицым.
То входит в море девушкой босой,
И шепчется с ней Каспий златоустый,
То зреет виноградною лозой,—
Ах, долго зреет, как большое чувство.
Как ожерелье, черная коса
Легко и нежно шею оплетает,
И две луны всплывают в небеса —
Нет! Это серьги круглые блистают!
А платье туго обвивает стан,
Чтоб трепетали груди, словно рыбки,
Чтобы глаза грустящих северян
Затеплились лукавою улыбкой.

Как мне с тобою сблизиться, Восток?
Мне поначалу — сновиденьем хмурым
И лакомый баранины кусок,
И в пряностях обжаренные куры,
И — кас-кас-кас! — кричит во мне шаман,
Когда на славном пиршестве поэтов
Вино переполняет мой стакан...
По силам ли испить мне чашу эту?
Она кипит, как сто могучих рек,
Что рушатся с Кавказских гор высоких.
Я, северный нерослый человек,
Не захлебнусь ли в пенном потоке?
Но — кас-кас-кас! — кричит во мне шаман,
И сердце зову праздничному вторит.
Кас-кас! Я осушаю свой стакан!
О эта чаша, полная, как море!
И вот уже горит во мне костер —
Не Каспий ли раздул его дыханьем?
Мне кажется: над цепью дальних гор
Взыграло небо северным сияньем.

И певчая волна бежит ко мне
И, обернувшись женщиной Востока,
Качает и журчит:— Доверься мне!
Я, как и ты, добра и черноока...—
Я засыпаю, просыпаюсь вновь,
Я говорю, приветствую, ликую.
Азербайджана праведная кровь
Во мне поет, смеется и тоскует.
Азербайджан отверз мои уста.
Вот он, джигит, прямой и бескорыстный!
И тает вековая мерзлота,
И мудрость гор в мои вселилась мысли.
Не древний меч, джигит, в твоей руке!
И на плечах не ратные доспехи!
Слагаю песню о буровике.
Землепроходец! За твои успехи!
Огнедобытчик, кланяюсь тебе!
Не твой ли сын Курбан оглы Салманов,
От яростной пурги не ослабев,
Пришел на Север по меридиану?
Под каменной тюменской мерзлотой
Искал он нефть вдвоем с наукой мудрой,
Языческой богиней золотой
Она взошла над благодарной тундрой.
Нет, не чужбиной для него была
Земля у ночи северной под спудом.
От века храбрость храброму мила.
Творец творцом останется повсюду.
Кто бодр и смел — сумеет и на льду
Разжечь костер и дом себе построить.
Я за теплом к тому костру приду
И назову хозяина героем.
Внимание! Я поднимаюсь в рост!
Землепроходцу мой поклон и тост:
Зовут вас сыном Сибири,
Зовут вас сыном Отечества,

А я вас зову, Салманов,
Сыном всего человечества.
Пусть вместе со мной земляне
Присвоят вам званье это
За то, что теплом бессмертным
Согрели вы всю планету.
Юность недолговечна,
Изменчиво имя племени.
И лишь неизменно мужество —
Оно не подвластно времени.
Поклон вам, оглы Салманов,
Низкий поклон отечества...
Ваше тепло и мужество
Вечно, как человечество!

Мне ли, Салманову ль
Рукоплескания?
Тише и глуше
Праздничный рокот.
Это — нахлынули
Воспоминания.
Это — лечу я
На север с востока.
Помнится, помнится
Скованный воздух,
Снежные волны,
Вьюжные ветры...
Карлики сосны бьются,
Бьются с морозом,
Сухо трещат
Обнаженные ветви.
Рядом с деревьями
Я — изнемогший,
Я — до костей
На морозе продрогший.

Я — окруженный
Волнами снега,
Юван, с тоскою
Глядящий на небо.
Нет ничего
На земле, кроме стужи.
В небе — луна
В серебристой одежде.
В небе — сиянье
Цветным полукружьем...
Доброе небо.
Небо надежды!
Сквозь запущенные
Снегом ресницы
Вижу — звезда
Надо мною искрится.
Глазом оленьим
Глядит из-за тучи,
Тянет навстречу
Ласковый лучик.
Хэй, деревца,
Отряхнитесь от снега!
Светит над тундрой
Ясное небо!
Но почему же
Стужа все злее?
Руки, как сучья,
Деревенеют.
Лунное пламя —
Белые стрелы —
Метят в мое
Изнемогшее тело!..
Мечутся стрелы
По синим сугробам.
Может, умрем мы
С надеждою оба?

И на горячей земле
Между льдами
Мысли взойдут
Ледяными цветами?
Мир одиночества,
Мир отчуждения...
Что это? Память?
Беда? Наваждение?
Детство ли вспомнил я?
Или доныне
Людам грозят
Ледяные пустыни?
Нет! Это жизни
Земной перемены —
Ветер надежды,
Ветер измены...
Я ли не ждал,
Не мечтал с малолетства
Справиться, справиться
С полчищем бедствий?
Или не я
На олене крылатом
К космосу мчался
В тучах косматых,
Чтобы добыть
Для стынущей тундры
Добрый огонь —
Сокровище мудрых?
Мчался олень мой
Проворнее ветра,
Были доступны мне
Выси и недра.
Жестко порою
Оленем правил.
Мучился грешною
Мыслью о славе.

Хвастался, легкой
Удачей богатый.
Слишком покорно
Сносил я утраты.
Рано гордился,
Каялся поздно,
Но никогда
Не сдавался морозам!
В гуще сражений
Песней и кровью
Я утверждал
Тепло и здоровье!

Я весь перед тобой, Азербайджан!
О теплотворец и огнедобытчик!
Приветствует тебя и твой обычай
Великой тундры белый океан.
Ты одарил меня теплом Востока —
Дарю тебе ответное тепло.
Пусть властвует добро и сгинет зло!—
Таков наказ богини златоокой.
Тот счастлив сам, кто огонек любви
В глазах друзей радушно зажигает,
Кто Юг и Север равно почитает,
Как славные работники твои.
Кас-кес! Моя полярная страна
На берег твой не раз сойдет по сходням.
Запомни же лицо мое сегодня,
Как я стихи Самеда Вургуна!

Каспийские поэты и певцы!
Желаю вам удачи многозвучной
И щедрого в доме благополучья,
Как детям в тундре говорят отцы...

Кас-кес! Благословен пусть будет дом,
На прочной утвердившийся основе,
С душистою подушкой в изголовье...
Я в нем уснул, овеянный теплом.
Ко мне слетались радужные сны,
Что схожи с нашим северным сияньем,
И золотой богини очертанье
Привиделось мне в контуре волны.
О золотое полымя песка
На побережье золотого моря!
И голос мой во сне стихиям вторил
И славил дружбу на века!

Азербайджан мой,
Земля златоокая,
Может быть, низкая,
Может, высокая.
Может быть, нищая,
Может, богатая,
Нефтью, вином ли
Своим ароматная.
Может быть, юная,
Может быть, древняя,
Может, полночная,
Может, полдневная.
Может, гористая,
Может быть, плоская,
Золоторукая
И чернокошая!
Славлю тебя я
Последним камланьем,
Песня, богиня,
Страна созиданья!
Путник усталый,
С душой обмороженной,

Шел я к тебе
По тропе запорошенной
Через потемки, что солнцу неведомы,
Через века, что оплаканы дедами.
Под облаками, над тундрой нависшими,—
Чтоб отогреть
Наши песни застывшие.

Шел я надеясь, ликуя и плача.
Азербайджан, пожелай мне удачи...

Великолепие
С громкой судьбою!

Дай породниться
Сердцем с тобою!

С общею нашей
Великой отчизной

Пусть, словно реки,
Сливаются жизни!

Цельности дай мне

В мыслях и чувствах,

Мастер, джигит,

Певец златоустый!

Дай мне отваги

Простым человеком

В ногу идти с удивительным веком.

Сердце мое

Призывая к ответу,

Дай мне сродниться

С солнечным светом!

Молится солнцу

Белый шаман!

Кас!

Кас!

Кас!

Кас!

Дай мне удачи,

Азербайджан!

НА ДОРОГАХ РОДИНЫ

I

Благословен, кто путнику помочь
всегда готов, кто раскрывает двери
пред ним и в ясный день, и в злую ночь —
и вводит в дом,
в людскую дружбу веря.
Пусть дождь шумит, пусть голосит пурга —
накормит он,
поможет он согреться
и озарит пыланьем очага,
как светом человеческого сердца.

II

О Литва,
о край чудесный!
Соломеи Нерис песни
соловьиные — с тобой...
Молодой, гостеприимный
дружбы край,
любви взаимной,
я горжусь твоей судьбой!
Шевельну какую думу —
эту песню начиная,
зазвенит какого слова —
при прощанье — серебро?
Слава, радость,
край сердечный,
пусть в тебе пребудут вечно
мир, и счастье, и добро!

Пусть в твоём широком доме
процветает изобилье:
видел я, как в нём пылает
благоденствия очаг...

Ликовал я, наслаждался,
расправляло сердце крылья,
высоко взлетала песня —
пусть же вечно будет так!
Славлю детскую улыбку —
пой, Литва, качая зыбку,
на своих держи коленях
ты улыбчивых ребят.

Пусть сыны земли литовской
возвышают род отцовский,
материнский род крепят!
Хорошей в трудах упорных —
пусть твоя восходит слава,
пусть зелёные долины
не вместят твоих коней,
пусть раскинутся просторы
широко и величаво —
пусть в ковшах, резных, узорных,
пиво пенится сильней!

Кто устал в пути — да будет
так, как я, тобою встречен,
кто упал — да будет поднят,
у тебя найдёт приют...

В очаге твоём, я знаю,
свет добра высок и вечен,
о тебе, земля родная,
гордо люди тут поют.

Ты, Литва, как дом смолистый,
на земле стоишь холмистой.
Вот я слышу голос чистый
молодого соловья —
над травой семиветвистой

песня стелется лучисто,
в ней, Литва, душа твоя!

Покидая землю вашу,
подымая эту чашу,
приглашаю вас, друзья,
в знак сердечности и братства,
множа наших душ богатство,
посетить мои края.

Жду зимою,

жду и летом —

встретит вас

веселым светом

мой гудящий камелек...

Дух огня, живое пламя
дружелюбно перед вами
распахнет простор дорог.
Семь крутых дорог — да будут
вам доступны и открыты,
девять трудных троп — да будут
вам нисколько не трудны!
Пусть встречают вас деревья,
пусть вам кланяется жито,
пусть лишь радостями будут
ваши дни озарены!

Благосклонность добрых духов
ощутите вы повсюду,
поликуете со мною
у веселого костра...
Я людей земли литовской
никогда не позабуду,
ей всегда желаю счастья —
счастья, мира и добра!

III

В молодом украинском саду
пьют глаза мои диво дивное —
о, как пышен тот сад, как красиво,
полнясь солнцем, с улыбкой счастливой
зреет плод у людей на виду!

Зелень яркая радует взгляд,
жизнью каждое дерево дышит —
в шелестящий одето наряд...
Ветер яблоки тихо колышет,
и они пламенеют, горят...

Слышу: звонкую песню вдали
юность отчего края выводит,
дни ее словно сад расцвели,
и в глубины родимой земли
корни юности этой уходят...

Так ты, юность, стройна и смела,
так возвышенна и устремленна,
что восходишь как сад непреклонно...
Мир твой удивляют дела,
и шумят, как деревья, знамена!

Целомудренно сердце твое,
и душа твоя к правде стремится...
Будет опыт не сразу копиться.
Юность, юность...
Порой у нее
даже старцу не грех поучиться!

IV

После дороги большой,
после нелегких путей —
путник с открытой душой
в дом созывает гостей...
Пламя дрожит в тишине,
зреет веселье — в огне,
радость — в веселье живет,
в радости — праздник плывет:
праздник возврата домой,
встречи с родимой землей,
праздник раздумий живых,
новых прозрений твоих...

МОЯ РОССИЯ

Давиду Кугультинову

А у меня моя Россия...
Моя. До капельки. До дна.
Она одна — как мать для сына.
Как сердце и как жизнь — одна.
В первом крике моем —
медвежонок, таежный ворчун.
В первом плаче моем —
плач гагары, летящей за чум.
В первом лепете — лебеди,
звонкая речь лебедей.
В первом смехе моем —
лучик солнца бежит и дрожит по воде.
А молчанье мое —
вековое молчанье тайги.
Возмущенье мое —
это белая пляска пурги.
А блаженство —
сквозная прозрачная белая ночь.
Песня... Песня моя —
скрип таежного кедра, точь-в-точь.
А сначала пела мама
не о том,
что вся даль в дыму тумана
золотом,
не про дуб, не про рябину,
что тонка,
не про синь, а в этой сини —
облака...

Нет, сначала пела мама про свое —
все про рыбу да упрямое зверье:
«Ждет осетр тебя у плеса —
гладь чиста...»

Ты, певец черноволосый,
подрастай!..

Ждет медведь за кромкой белой,
впереди,

ты его, охотник смелый,
уведи:

уведи от злого царства,
диких стай,—

пусть он станет братом манси!
Подрастай!»

И сначала хвоя песни пела,
шелест хвои надвигался, рос
над тайгой седой, заиндевелой...

Лишь потом стал слышен шум берез.

В шуме листьев колдовское было:

даль, река... А над рекою той
на берег Катюша выходила,
на высокий берег, на крутой...

И она ко мне пришла, Катюша,
имя изменила, но пришла.

И, как в песне, я все слушал, слушал
про степного сизого орла...

Сперва — цыпленок с шеей тонкой —
я долго в стае ребятни
мечтал в просторы взмыть орленком,
чтоб видеть, каковы они.

Не замечая рядом сгоряча —
Россия рядом, у плеча.

Она явилась сказкой школьной —
учительницей... И с тех пор —
во мне певучий и привольный
тот нескончаемый простор.

Так наяву, а не во сне
Россия началась во мне.
Не с первым в миг рожденья криком
моя Россия началась,
а с первой буквы, с первой книги
моя Россия началась.
С простором первым...
первым ветром...
И, отгоняя воронье,
мой крик последний, мой предсмертный,
все будет голосом ее!
Нетленную ту науку,
что Ленин оставил нам,—
и детям своим, и внукам,
и правнукам передам!
Всем, на меня похожим,
и тем, кто голубоглаз,
смуглым и бледнокожим,
оставлю его наказ.
России многоязыкой
все передам сполна,
чтоб дружбой своей великой
крепила союз она.
Полдневный час в моей судьбе —
я не искал судьбы иной:
все песни, Родина, тебе!
В зените солнца над страной
сквозь синь летят его лучи.
Покой рождает этот свет.
Себя не слыша, кровь стучит,
и перебоев в сердце нет.
Легко и полно дышит грудь.
Иду просторами страны
и вижу свой неблизкий путь
как бы орленком с вышины.
Не опускайся, солнце, стой!

С высот своих не уходи!
Пусть трав полуденный настой
бесменно властвует в груди!
Отчизна! знаю: каждый раз
за полднем вечер настает.
Но вечны этот полдень в нас
и озарение твое!

Здравствуй, край мансийский милый —
со смолистою тайгой,
с молодой отцовской силой,
с материнской добротой.

Машет мне рукой осина,
улыбается вода.
Слышу лепет лебединый —
словно в детские года...

Детство — с кваканьем лягушек,
с плеском уток у озер,
с птичьим пеньем у опушек —
ты волнуешь до сих пор...

Мать! Твой взгляд я помню нежный,
треск лучины в тишине...
Вихрь в пыли купался снежной —
ты тепло дарила мне.

Но нагрянуло несчастье,
омрачился неба взор...
Где ты, синь? Кругом ненастье —
мать ушла в дремучий бор...¹

Ушла в дремучий бор — иносказательное выражение, обозначающее у манси смерть близкого человека.

Я, как лист на голой ветке,
мерз под ветром ледяным.
Дождь колот — осенний, редкий,
снег летел — я стыл под ним.

И мороз свирепый клялся
погубить меня навек —
жег, под сердце подбирался,
повалить старался в снег.

В край, где столько лет я не был,
я вернулся ныне вновь —
улыбалось солнце в небе,
был приветлив шум лесов!

Птичий гомон разливался —
отдавалась песнь во мне.
Мир вокруг звенел, качался
на сверкающей струне...

Нет! Осенний дождь колючий
в дождь меня не обратил!
Ни мороз, ни злые тучи
не лишили юных сил!

Родиной золоторукой,
словно матерью родной,
обогрет я и взлелеян —
крепнет, зреет голос мой.

Я смотрю ее глазами,
плачу я ее слезой.
Пахнут песни облаками,
солнцем, лесом и грозой!

ПОСРЕДИ РОДНОГО ПЛЕСА...

1

Если мне не плыть на лодке
Посреди родного плеса,
Как уверовать мне в то, что
Не мираж передо мною?—
Предки все ушли куда-то,
А погодки стоголосо
Мне поют о новой жизни
Над серебряной рекою...
Но летит, лаская кудри,
Ветерок, совсем такой же,
Как в далеком звонком детстве.
И отец на лодке старый,
И волна меня качает.
С той волной далекой схожа,
Что о самом сокровенном,
О моем поет гагарам.
Нет, не все ушло в пространство
Из земли отцов навеки:
Каждый всплеск воды тревожной
Возвращает память нежно
В дни, где крыльями лопочет,
Легкий пух роняя в реки
И со мной перекликаясь,
Грустный лебедь белоснежный.

С этой древнею землею,
С голубой водой и небом
Я живу навек сродненный.
И молюсь своей Отчизне,
Как святыне из святынь,
Золотому солнцу, хлебу,
Светлой матери-мансийке,
К жизни причастившей сына.

Как прекрасен этот свет!
Жизнь — почти что наслажденье!
Вот бессмертья только нет —
Есть лишь чудное мгновенье.

Как чермуховый цвет,
Облетает ликование:
«Сколько мне осталось лет?» —
Как кукушки кукованье.

Наполняй же, как строку,
Каждый день и каждый вечер,
Чтобы слышать не «ку-ку»,
А величье человечье!

КАЧАЙСЯ, КОЛЫБЕЛЬ

Качайся, колыбель берестяная,
Расти, моя надежда,
Бед не зная.
Хочу, чтоб стал охотником
Ты, сын.
Достоин этот промысел мужчин.
Сам царь тайги — медведь —
Перед тобою
В валежник ткнется
Бурой головою.
Зрачки его погаснут в бурой мгле —
И безопасней станет на земле.
И убьешь в медведе зверя,
Вынешь пули,
Что человечность
Через боль вернули,
И ты поймешь: работа хоть проста,
Нет благородней этого труда!

Качайся, колыбель, —
Ладья святая.
Расти, моя надежда,
Зла не зная.
Хочу, чтоб стал ты рыбаком,
Мой сын.
Достоин этот промысел мужчин.
Сам царь реки — осетр —
Короной белой
Падет к ногам твоим
Из сети пенной,

Воздаст поклоном за сноровку честь.
И гостю честь — с тобою рядом сесть.
Осетр — еда богов.
Ставь осетрину
На свой рыбацкий стол —
На середину.
У рыбака заветная мечта —
Тянуть своей удачи невода.

Качайся, колыбель,
Тайга, качайся.
Судьба моя земная, не кончайся.
Умру — слезу живую урони,
Меня на землю первенцем верни.
Вернуться я готов к тебе медведем,
Лишь будь охотником.
Друг друга встретим.
Убьешь в медведе зверя —
Сгинет пусть,—
К тебе на землю богом я вернусь.

Качайся, колыбель.
Волна, качайся.
Судьба моя земная, не кончайся.
К тебе готов вернуться осетром,
Лишь будь, мой сын, умелым рыбаком.
Качайся, колыбель моя, качайся,
Качайся на земле.
Земля, вращайся.
Живи, трудись, охотник-рыболов.
И я в тебе переживу богов.

НАШ ОГОНЬ

НАШ ОГОНЬ

Там наш край обетованный,
Где могучи духи снега,
Где Богиня Солнце рано
Сходит с неба для ночлега,
Где мороза дух всевластный
Над звездой колдует ясной...

В звездном звоне ликованием
Рассыпаются зарницы.
Это Севера сияньем
Наше небо золотится.
Это Севера сиянье,
Это наших душ биенье.
Ведь в таежной глухомани
Скачут красные олени.
Ведь над хмурою тайгою
Поднял мой народ навеки
Бесконечно дорогое —
Жажду песни в человеке.
Наша память держит много
В глухомани стародавней.
Не легка была дорога,
Но огонь добыт из камня:
Наш огонь,
Богатство наше,
Наших древних песен пламя —
Вот оно, сверкая, пляшет
Над лесами,
Над горами...

Все уйдем мы. Но покуда
Север наш стоит могучий,
Будет пламенное чудо
Прожигать немые тучи.
Это чудо мы подарим
Тем, кто станет доброй вестью,
Тем, кто будет благодарен
Нашей памяти за песню.
Пусть он чуткими губами
Прикоснется к полной чаше.
Мы подарим нашу память,
Наше солнце,
Сердце наше...

ШУМ

Шум, шум, шум
Давних сердечных дум.
Слышу, душою юн,—
Шумом наполнен чум.

Слышится зверя крик,
Слышится снежный скрип
Возле сугробных шхун —
Шум, шум, шум...

Сов тихий лепет — шум,
Снег словно лебедь — шум.
Это ль волны бурун —
Трепет протяжных струн?
Шум. Шум. Шум.

Слышу ржанье коней,
Гулкий обвал камней.
Слышу ребенка плач,
Лодки на взморье кач.
Шорох воды о лед,
Ход колыбели влет.
Первое слово вдруг —
Нового роста звук.
Сердце мое — вещун.
Шум. Шум. Шум.

Звонкий девичий смех,
Свадебных троек бег.

Жизни веселый свет
И изобилье лет.
Счастье уходит вдруг —
Эха чужого звук.
Слышишь в себе в тиши
Холод живой души.
Смерть... И душой угрюм
Слышишь прощальный шум...

Гул отшумевших гроз,
Тяжесть соленых слез,
Тихой земли печаль,
Светлого неба даль.
Слышишь ты — рвется ввысь
Новая чья-то жизнь.
Вот червячок ползет,
Медленно, как песок,
Ломкий раздался звук —
Белка задела сук.
В дали — издалека
Тихо текут века...
Кружатся воды — шум.
Кружатся годы — шум.
Песню вдаль маня,
Зреет душа моя.
Слушай, душа-вещун,
Это бессмертный шум.
Шум. Шум.

ОГОНЬ НА ЛЬДУ

Вьется лесом лыж лосиных
Гибкая лыжня.
Тощий месяц глазом длинным
Смотрит на меня.

Лает он, как волк голодный:
— Пусть сожрет мороз!—
Пальцем трогает холодным
Щеки мне и нос.

Но мороз сожрать грозился
Деда моего,
Только как ни торопился —
Не догнал его.

Глупый месяц лютым волком
Лаял на отца,
Но не видели в поселке
Веселей лица!

Как же мне-то не согреться
В мой горячий век?
Для меня огонь из сердца
Высек человек.

Мне костер раздуть недолго
Из того огня.
Перестанет месяц волком
Лаять на меня.

Подобреет и забудет
Старую вражду.
Приходите греться, люди,
У огня на льду!

* * *

Никогда не замерзнешь в глубоком снегу,
Никогда не замерзнешь в родном краю!
Пусть мороз лютоует, сковав тайгу,
Пусть хватку показывает свою,
Пусть пощелкивает ледяным языком,
Пусть грозит своим ледяным кулаком!
Ты увидел дровишки — и сразу тепло,
Под шершавой корой затаился огонь.
Сказка добрая примет тебя под крыло,
И тоске и печали сказав: «Не тронь!»
А пословица верный укажет путь...
Будь же смелым, товарищ, и не забудь:
Никогда не замерзнешь в глубоком снегу,
Никогда не замерзнешь в родном краю!

Ты Человек.
Ты все осилишь —
И мрак Шпицбергена, и лед,
И Кольский на краю России,
Где солнце медленно встает.

Ты шел сквозь мглу и ночью белой —
И пересек Полярный круг,
Где над тобою прогудело
Сто тысяч самых страшных вьюг.

Чтоб перенять твой дух железный,
Причастным стать к твоей судьбе,—
Метелью злой,
Дорогой снежной
Иду к великому к тебе.

Вперед!
Дымится полоз санный,
Торосы грозные круша,—
Туда спешу, где круг Полярный
Обнимет, как твоя душа!

Вперед!
Гордись, первопроходец,
Бессмертным подвигом своим —
Смотри, как пламенно восходит
Сиянье светлое над ним!

Играет цвет на снежном насте,
И ветер яростный притих —
И тундра ждет,
Как сердце счастья,
Великих подвигов твоих!

* * *

Вот опять вздыхаешь ты о счастье.
Кто же гасит
вздохом
пламя страсти?
Разве нефть глубокую добудет
тот, кто мерзлый грунт бурить не будет?
Ты влюблен
и любишь все сильнее —
так ломай тоски глухую стену,
так иди на Север,
будь смелее!
Там своей любви узнаешь цену.

ТРАССА В ГРЯДУЩЕЕ

Михаилу Сафиуллину

Друг мой,
Нефтяник,
Брат мой,
Геолог,
Будничный путь твой труден и долог
Тундрой песцовой,
Медвежьей тайгою,
Звездными вихрями Уренгоя...
Голос — чуть хриплый на звонком морозе,
Только душа —
Словно юность в березе,
Душу не тронул снарядный осколок,
Брат мой,
Нефтяник,
Друг мой,
Геолог.
Под меховую спецовку в кармане
Карточка той,
Что вовек не обманет,
Не для нее ли ты ходишь по свету,
Древнюю
Делаешь юной планету?
Помнишь,
Как в школьной тетрадке когда-то
Парус любил рисовать ты
Крылатый?
Парус ведет тебя в новые дали,
Где никаких парусов не видали.

Через большие твои расстоянья,
Через привычные расставанья
Мать ли глядит на дорогу сыновью,
Вся ли страна —
С материнской любовью?
Ты — теплотворец!
Но в тундре крошечной
Кто обогреет ночлег твой поспешный?
Кто преисполнит огнем и задором
Поступь твою
По снегам Самотлора?
Друг мой,
Геолог,
Брат мой,
Нефтяник,
Трассу одну мы в грядущее тянем!
Пусть моя песня,
Согрета тобою,
Солнцем взойдет над твоею судьбою.
Пусть к новой жизни
Сибирь возродится,
Пусть твоей славой
Отчизна гордится,
Пусть будет праздник твой
Светел и долог,
Друг мой,
Нефтяник,
Брат мой,
Геолог.

* * *

Вот таких, как люди, беспокойных,
вот таких прямых,
на земле немало сосен стройных
вековых.

И пускай
под топором певучим
застоялый рушится сосняк,
но встает
и цепко держит тучи
устремленный к небу
молодняк.

Василию Николаевичу Увагану

Золотое,
Золотое,
Соком жизни налитое,
Солнце кружится высоко,
Солнце кружится,
Как сокол.
А навстречу, вижу,—
Черный,
В адской печке закопченный,
Черный ворон
Бурей черной
Рвется ввысь ожесточенно.
Люди,
Что же вы сидите,
Что же молча вы глядите,
Как темнеет, убивая
Солнце, туча грозовая?
Я родился не напрасно.
Я родился в зорьке ясной.
Люди,
Если медлить будем,
Не вернется зорька к людям!
Если смелость позабудем,
Петь не будем,
Жить не будем!
Мир поглотит ворон черный,
В адской печке закопченный.
Нет брони на солнце тяжкой,
Сердце солнца — нараспашку.

Окружим его стеною,
Пусть сверкает,
Наливное,
Наливное,
Пусть сверкает,
Словно звал его века я.
Люди,
Солнце — знамя ваше.
Пусть пылает полной чашей!
Ворон ухает протяжно.
Человек, шагай отважно.
Ты не зря в дорогу вышел.
Ты поднимешь солнце выше!
Выше,
Солнце!
Люди,
Выше
Стяг,
Который солнцем дышит!
Пусть наш голос ворон слышит.
Пусть взлетает солнце выше!
Слава доблести высокой.
Слава радости высокой.
Пусть взлетает в небо сокол!
Пусть он зорьку в песне кличет,
Славя Родины величье,
Той,
Что мы гордимся вправе,
Золотое солнце славя!

ЗАПОВЕДИ ПОЛЯРНОГО КРУГА

* * *

Подарю тебе ружье — встрепаются птицы:
им от выстрелов твоих будет не укрыться.
Подарю тебе я нож — пролетит мгновенье —
задымится на снегу струйка — кровь оленья.
Ничего не подарить?
Я же северянин!
Песню от меня прими!
Эта песня станет —
если надо — и ружьем,
и ножом,
и чумом,
станет нартами она,
о полете думой.
Песню подарю тебе: под луною вечной
нет дороже ничего — нету человечней!

* * *

Слово мое — слово чести высокой,
истины светлой и правды глубокой.
И если солгу я, хотя бы на миг,
пусть лапа медвежья
мне вырвет язык.
Пусть захлебнусь я
в гиблой воде,
скорчась от зноя
неведомо где.
Пусть попаду я в звериную вьюгу...
Но ни врагу не солгу я,
ни другу.
Слову велел я:
правдой дыши!
Слово — высокое пламя души.

* * *

В морозном воздухе — шорох —
то не птица летит,
не деревья шумят...

В замершем воздухе — шорох —
то дышат олени, собаки, люди...
Услышишь издали чужое дыханье,—
значит, ты — северянин.

ПОУЧЕНИЕ ОЛЕНОВОДА

Оленей считай, а друзей почитай!
С младенческим трепетом слушай
их настезь открытые души!
А также — детей не считай!
Пускай подрастают ребята —
бесчисленны, как оленята!

Себя не жалея, коль возьмешься за труд!
К наградам стремиться не надо:
есть вещи ценней, чем награда.
Не хмурься, когда обойдут!..
И высшей наградой за службу
считай пониманье и дружбу!

Приветом обрадуй друзей, что в пути!
В ком светится солнцем весенним
душа молодого оленя,—
с такими старайся идти!
А лжец, что трещит без умолку,
пусть будет товарищем волку!

Собаку за волка не вздумай принять!
Собака в любую погоду —
подспорье оленоводу:
с ней легче стада охранять...
А сына учи понемногу
осиливать ту же дорогу!

ОБИДЧИК

Воет пес — то волки где-то у забора!
Затряслась осина — вьюга будет скоро.
Женщина рыдает — верная примета,
Что обидчик злобный тут же рядом где-то...

Воет пес — немедля заряди двустволку,
Затряслась осина — двери на защелку!
Женщина рыдает?.. Эй, а не в тебе ли
И грызутся волки, и гудят метели?..

Гагара плес покинет вдруг —
И сломана вода вокруг.

Бежит, сверкая от лучей,
Дорожка пенная за ней.

Но улетит она, и гладь
Блестит как зеркало опять.

Так сердце женское
Иной
Встревожит лишь на час-другой.

Взгрустнет она, не пряча слез,
И успокоится, как плес.

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ СЕВЕРНОЙ ЖЕНЩИНЫ

1

Я сама и чум поставлю,
И огонь зажгу искристый,
Из оленины на славу
Приготовлю суп душистый.
Не пасти одной оленей,
Не родить, не сдвинуть горы:
Я без мужа — лист осенний,
Только муж — моя опора.

2

Нам отпущено судьбою
Вдоволь и любви и веры:
Я, отец, горжусь тобою,
Чувства к матери — без меры.
Братья с сестрами, смотрите:
К вам с детьми такая ж милость...
Ну а как же мужа чтить мне
И его незаменимость?

3

Вспыхнет яркое сиянье
В сто цветов на всю округу,

Звезд полярных ликованье
В злой пурге пойдет по кругу —
Слушай за шагами мужа
Хруст шагов моих по насту:
Это мы по тундре кружим,
Чтобы вместе выйти к счастью!

4

Та, что следует за мужем,
Трех родов хранит заветы:
Род отца — огонь и стужу,
Материнский — море света,
Мужнин род, с кем породнилась,—
Отдала ему всю верность,
Чтобы в детях повторились
Красота его и смелость.

5

Как охотник поднимает
Зверя, вросшего в валежник,
Или в духов превращает
Нас на празднике медвежьем —
Так споткнувшегося мужа
С настоящей жизнью вровень
Поднимаю я из лужи,
Хоть безгрешен, хоть виновен.

6

Толку что лосихе дикой
По лесам бродить без лося?

Плачет женщина до крика,
Если мужа нет и в осень.
Хоть красой пылает броско,
Хоть и родственников много,—
Стонет, будто бы березка
Одиноко у порога.

7

Семиструнный лебедь в сини
Не звенит без струн протяжных,
Не помчится без оленей
Нарта тундрю отважно.
И без мужа быть счастливой
В мире женщина не может:
Пусть он самый некрасивый —
Все равно он всех дороже!
Нет родного ближе мужа.
Друга нету ближе мужа.
Нет опоры крепче мужа.

* * *

Милый мой, будь верным другом!
Не ходи к чужим лисицам,
не стремись в чужие гнезда,
обходи их стороною,
чтоб скорей домой вернуться.
Я прошу тебя, мой милый:
будь, мой милый, Человеком!

ПЛАЧ СТАРОЙ ДЕВЫ

Подобна двум холмам
Девичья грудь давно.
Лицо мое блестит,
Как медной чаши дно.
Высокогруда я,
А все одна пою.
Тяжелокоса я,
А в песнях слезы лью.
На берегу речном
Стоит мой тихий дом.
Здесь крепчали запястья мои,
Здесь тончали лодыжки мои.
Десять сватов молодых,
Где вы? Я вас жду!
Двадцать сватов удалых,
Где вы? Я вас жду!
Неужели чистоте
Отсветить впустую?
Неужели красоте угасать впустую?
Что за женщина, чьи косы
Жидки и белесы?
Что за женщина, чьи груди —
Мягких тряпок груди?
Или круглое лицо мое не бело?
Иль не ловко и не крепко сбито тело?
Эту шею лебединую свою,
Рук уменье, взгляда тихую зарю,
Плечи, бедра, звонкий голос, быстрый ум —
Неужели только смерти подарю?

Руки свои протяну —
Дотронусь до старости.
Еще сто шагов шагну —
Подойду к старости.
Кто задержал вас, сваты мои,
В каком из селений?
Кто запрягать не хочет для вас
Быстрых оленей?
Иль оттого помедлить пришлось,
Что свадебных бубенцов не нашлось?
Но время-то, время — идет!
А сердце мое ждет!
Милый, услышь мой зов
Из-за семи лесов,
Из-за семи морей,
Сватов не посылай,
Сам приходи скорей.
Милый, возьми меня,
Пока не взяла земля!

ТЕМ, КТО ХОЧЕТ БРОСИТЬ ПИТЬ

Если ты устанешь от вина —
Языкастой огненной воды,—
Вспомни наш обычай, старина,
Что хранил мансийцев от беды:
Вот тебе бутылка, а вот стакан.
Подыми-ка к солнцу свой искус —
Златорукий этот великан
Пусть его попробует на вкус.
Пусть тебя, поморщившись, ругнет:
— Что за дрянь? Не пиво и не мед!—
А потом мизинец свой ножом
Уколи — и кровь смешай с вином.
Вылей наперво стакан в очаг
И скажи огню ты так:
— Слушай, добрый прозорливый дух,
К жертве сердца не останься глух,
Выплеснул с дурною кровью — на!—
В ноги я тебе стакан вина!

Сделал? А теперь хлебни-ка сам,
Ну, а что останется гостям!
И с пустой бутылкою в руке
На любом скажи им языке:
— Если, люди, налижусь я вдруг,
Ранее, чем мне позволит дух,—
Пусть рука отсохнет у меня,
Пусть душа засохнет у меня.

Свой язык на угли положу,
Если клятвы этой не сдержу!

Если ты устанешь, старина,
От семязыкого вина,
Поклянись, дружок, возьмись за ум.
Ты ведь сам себе носитель дум.

Или ты, шайтаново семя, все обычаи наши уже
потопил в вине?

УТЕШЕНИЕ ВНУКУ

Умру, ничего.
Не грусти понапрасну.
Надеждой на встречу
Сердце напоишь —
И я вернусь.
Умру,
Трава забвенья надо мной не властна.
Я прорасту травой жизни.
Умру — не беда,
Это сон спокойствия.
Пробужусь от сна,
Когда ты пробудишься.
Умру — ты живи,
Как небо,
Вода,
Огонь,
Земля.
И в тебе оживу я,
Как в небе,
В воде,
В земле,
В огне...
Береги меня в себе —
И в тебе оживу я...

* * *

Ликует мир, проснувшись поутру.

Он полон счастья,

полон вдохновенья.

Но, человек,

ты гость на том пиру:

твой век недолог —

может быть, мгновенье.

Ликуй и ты,

не думай про беду.

Как высоко душа твоя летает!

И не смотри,

как в радостном саду

черемуха печально отцветает.

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ ПОЛЯРНОГО КРУГА

1

Вот она, главная первооснова
тех, кто за кругом Полярным живет:
мысль какова — таково будет слово,
дело в упряжке с словами идет.
И настоящий коль ты северянин,
слово и мысли и дело вовек
вместе, как будто с оленями — сани
или как с тундрой бескрайнею — снег.

2

Мужеству нашему не удивляйся,
если в лицо нам — пурга и мороз.
Честности северной не удивляйся —
кости чужой не затронет и пес.
Жизненной мудрости не удивляйся:
много сокровищ мой Север припас,
сколько в них ты, друг мой, ни разбирайся,
мудрость — сокровище главное в нас.

3

Станут сокровища снегу подобны,
что под копыта бросает олень,
коль не хозяин ты тундры свободной
и легковесен твой прожитый день.
Словно снежинки, летящие мимо,
будто дождевики при мелком дожде,
жизнь твоя станет подобием дыма
и пузырями на желтой воде.

4

Ты — северянин, коль полон отваги
 в злую метель и в морозную дрожь
 и не печешься о собственном благе
 в миг, когда сердце сквозь вьюгу несешь.
 Знай, что природа Полярного круга —
 ради других и страданья и жизнь.
 Слово за друга и сердце за друга —
 истины этой, как солнца, держись.

5

Тот, кто твои соблюдает законы,
 круг мой Полярный, и в этом упрямя,
 и бережет, как охотник патроны,
 то, что завещано предками нам,—
 тот избежит слепоты и болезни,
 холода, подлости злого врага
 и удостоится круг его жизни
 славы, как будто тепла очага.

6

Все нипочем тебе, если исполнил
 честно Полярного круга закон:
 страх, что полярную ночь переполнил,
 лающий волком мороз за бугром.
 Пусть отрубают башку, как оленю,
 пусть запирают в промозглый ледник,—
 все нипочем, как вода по колени,
 если исполнил закон в этот миг.

Знать северянин мороза не хочет,
не замечает в бушующей тьме
колющей зрение северной ночи —
лишь у дурного дурное в уме.
Только хорошее видит сквозь вьюгу
каждый себя уважающий тут.
А вдоль Полярного нашего круга
только хорошие люди живут.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЯРНЫЙ ПРОМЕТЕЙ

«Все блеснит, на что ни взглянешь...» <i>Перевод П. Кустова</i>	8
«Как море — снег...» <i>Перевод В. Торопыгина</i>	10
«На Севере луна особая...» <i>Перевод автора</i>	11
Русская березка. <i>Перевод Д. Сухарева</i>	12
«Я стою в унынье на Полярном круге...» <i>Перевод Н. Грудининой</i>	13
«По сугробам пойду, по Полярному кругу...» <i>Перевод С. Гуляева</i>	14
Человек родился. <i>Перевод О. Шестинского</i>	15
На Полярном круге. <i>Перевод автора</i>	17
Вызов солнца. <i>Перевод автора</i>	19
Полярный Прометей. <i>Перевод А. Аквилева</i>	20
Добытчики. <i>Перевод А. Аквилева</i>	22
Хвала Северу. <i>Перевод А. Аквилева</i>	23
Дума филина. <i>Перевод автора</i>	25
«Глотнем вина...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	27
Заклинание матери. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	29
«Я не знаю, отчего-то...» <i>Перевод Б. Кежуна</i>	30
Солнце. <i>Перевод А. Аквилева</i>	31
«Восходит солнце, женщиной хохочет...» <i>Перевод автора</i>	32
«Я сгорал в огне метелей...» <i>Перевод автора</i>	33
«Что за весенние мысли сегодня?..» <i>Перевод автора</i>	34

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Дождь. <i>Перевод А. Кушнера</i>	36
«Мне снился детский сон...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	39
Небо и земля. <i>Перевод автора</i>	40

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МОЯ БОГИНЯ?

«Что на свете легче всего?..» <i>Перевод автора</i>	56
---	----

Богиня Солнца. <i>Перевод А. Аквилева</i>	57
«Месяц ли на небе...» <i>Перевод Н. Поляковой</i>	59
«Белой сказкой ты мне снишься...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	60
«Я ищу, я ищу, я ищу...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	61
Рыбачка. <i>Перевод В. Цыбина</i>	62
Ленинградская Миснэ. <i>Перевод А. Чистякова</i>	63
Не хочу. <i>Перевод В. Крутецкого</i>	64
«Глаза твои — медведицы в берлоге...» <i>Перевод В. Цыбина</i>	65
Подарок. <i>Перевод Н. Кутова</i>	66
Солнышко. <i>Перевод И. Фоякова</i>	67
«Ты как черемуха зимой...» <i>Перевод С. Давыдова</i>	68
«Что мне черемуха снега белей...» <i>Перевод С. Давыдова</i>	69
«Снег, как пух песка, кружится...» <i>Перевод Н. Грудининой</i>	70
«О, посмотри! Золотыми ногами...» <i>Перевод автора</i>	71
Сорни-най. <i>Перевод О. Цакунова</i>	72
«Дни метутся как метели...» <i>Перевод А. Максеева</i>	74
«Богиня Солнце, пробуди тепло...» <i>Перевод С. Гуляева</i>	75
«Те редкие дни...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	76

СКАЗКА В СИНИЙ ПОЛДЕНЬ

Сказка в синий полдень. <i>Перевод автора</i>	78
---	----

ЗАПОВЕДИ ИДУЩЕГО

Дорога. <i>Перевод автора</i>	96
«Нужны мне крылья...» <i>Перевод Н. Старшинова</i>	97

Моя загадка. <i>Перевод автора</i>	98
«Если ты человек, а не враль...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	99
«В гости без злости...» <i>Перевод автора</i>	100
«Добрый — друг твоей души...» <i>Перевод автора</i>	101
«Зверя сроду не согнешь...» <i>Перевод А. Аквилева</i>	101
«Человек, о, где твое усердьё?..» <i>Перевод Н. Карповой</i>	102
Лунная легенда. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	103
«Живу в крылатый век...» <i>Перевод В. Цыбина</i>	104

СЛОВО ГИПЕРБОРЕЯ

Молитва к Богине неведомой земли. <i>Перевод автора</i>	106
Слово Гиперборея. <i>Поэма. Перевод И. Кашежевой</i>	107

У ЖИЗНИ НА ПИРУ

«Ярка весенняя трава...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	118
«Шагай, ликуй, живи за двух...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	119
«Дерево у дома твоего...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	120
«Друзья, приятели мои...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	122
«Без тебя я — как олень...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	123
«Быть бы нам с тобою...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	124
«Чтоб согреть — огнем я стану...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	125
«Стану лгать я...» <i>Перевод Н. Галкиной</i>	126
«Так на светлом пиру ты была весела...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	127
«Куда подевались эти слова...» <i>Перевод М. Борисовой</i>	128

«Ты говоришь: дурной видала сон...» <i>Перевод</i> <i>Л. Хаустова</i>	129
«Ты говоришь: не на тебя смотрю...» <i>Перевод</i> <i>М. Борисовой</i>	130
«Я хочу, чтоб все нам было общим...» <i>Перевод</i> <i>Л. Хаустова</i>	131
«Ты говоришь, что у вина язык...» <i>Перевод А. Ак-</i> <i>вилева</i>	132
«Луна взошла...» <i>Перевод автора</i>	133
«Когда икринкою я был...» <i>Перевод Л. Хаустова</i>	134

ПО ЗЕМНОМУ КРУГУ

Глаза белой ночи. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	136
«У огня сидел с тобою...» <i>Перевод М. Тарасова</i>	138
«Калевала». <i>Перевод М. Тарасова</i>	141
Признание Карелии. <i>Перевод В. Шошина</i>	144
Иду по твоей лыжне. <i>Перевод И. Фонякова</i>	145
«Сосны выросли на камне...» <i>Перевод И. Фоня-</i> <i>кова</i>	146
«На солнечной опушке...» <i>Перевод И. Фонякова</i>	147
Финскому другу. <i>Перевод И. Фонякова</i>	150
«Время — зимней ночи...» <i>Перевод И. Фоня-</i> <i>кова</i>	152
Дивный край. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	154
«Потревожь свою древнюю думу...» <i>Перевод ав-</i> <i>тора</i>	156
Остров Маргит. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	158
«Когда моя рождаться сила стала...» <i>Перевод</i> <i>С. Ботвинника</i>	160
«В мире ветра...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	161
«Материнский огонь не гаси...» <i>Перевод С. Бот-</i> <i>винника</i>	162
Камлание по Пабло Неруде. <i>Перевод В. Макси-</i> <i>мова</i>	163
Северная Азия. <i>Перевод Б. Гусева и А. Опены-</i> <i>шева</i>	168

«Не браните, прошу, пощадите, молю...» *Перевод*
Н. Грудининой 170

ПЕСЕНКА ВОРОБЬЯ

Песенка воробья. <i>Перевод Н. Грудининой</i>	172
Нож-язык. <i>Перевод автора</i>	173
Болтливый язык. <i>Перевод автора</i>	174
Тише, тише! <i>Перевод автора</i>	175
Хозяева тайги. <i>Перевод О. Шестинского</i>	176
Крылья мои. <i>Перевод автора</i>	177
Зов охотника. <i>Перевод автора</i>	178
Радуюсь птичкам. <i>Перевод автора</i>	179
Гоняюсь за олененком. <i>Перевод автора</i>	180
Стриж. <i>Перевод автора</i>	181
«Птичий хор утихает...» <i>Перевод автора</i>	182
Песец. <i>Перевод автора</i>	183
Горностай. <i>Перевод автора</i>	184
«Спи, моя лаечка...» <i>Перевод автора</i>	185
Песня рыбака. <i>Перевод автора</i>	186
Моя загадка. <i>Перевод автора</i>	187
«Волшебная вода бежит...» <i>Перевод автора</i>	188
Старый пес. <i>Перевод Н. Кутова</i>	189
Лисица. <i>Перевод Н. Грудининой</i>	191
Я самый счастливый манси. <i>Перевод автора</i>	193
«В морозной свежести земля...» <i>Перевод М. Ду-</i> <i>дина</i>	194
«Олени ветвисторогие...» <i>Перевод автора</i>	195
Мой крылатый конь. <i>Перевод автора</i>	196
Кисонька-охотница. <i>Перевод автора</i>	197
Песенка синички. <i>Перевод А. Чистякова</i>	198

ОГОНЬ НА ОГОНЬ

«Мне сказывали, прадед мой...» <i>Перевод О. Шес-</i> <i>тинского</i>	200
«Родился я под светом северной ночи...» <i>Пере-</i> <i>вод А. Чистякова</i>	202

Глаза. Перевод И. Фонякова	204
Враги. Перевод Е. Винокурова	206
Огонь на огонь. Перевод Н. Грудининой	208
Рога. Перевод Л. Шкавро	210
Лизоблюды. Перевод В. Шошина	211
Если ты прав. Перевод А. Аквилева	212
Гроза. Перевод М. Дудина	213
Соболь. Перевод Е. Винокурова	214
Мелодия рыбака. Перевод А. Аквилева	215
Заклятие браконьера. Перевод Н. Грудининой	217
Голос Земли. Перевод В. Шошина	219
К судьбе. Перевод И. Фонякова	220
Гармония. Перевод А. Аквилева	222

МЕРИДИАН БРАТСТВА

Моя Москва. Перевод В. Шошина	224
«Здесь, где дождь и прохлада...» Перевод А. Куш- нера	226
Салют над Невой. Перевод А. Аквилева	227
Мой Ленинград. Перевод Б. Кежуна	230
Дом на Мойке. Перевод Л. Смирнова	232
Идем к Пушкину. Перевод Н. Грудининой	234
Бурятский обычай. Перевод И. Фонякова	237
Певцу Востока. Перевод В. Торопыгина	239
Песнь Азербайджану. Перевод Н. Грудининой	242
На дорогах Родины. Перевод С. Ботвинника	253
Моя Россия. Перевод В. Торопыгина	258
«Здравствуй, край мансийский...» Перевод С. Бот- винника	262
Посреди родного плеса... Перевод А. Аквилева	264
«Как прекрасен этот свет!..» Перевод А. Акви- лева	266
Качайся, колыбель. Перевод А. Чистякова	267

НАШ ОГОНЬ

Наш огонь. Перевод В. Шошина	270
--	-----

Шум. <i>Перевод В. Цыбина</i>	273
Огонь на льду. <i>Перевод Н. Грудиной</i>	275
«Никогда не замерзнешь...» <i>Перевод И. Фонякова</i>	277
«Ты Человек...» <i>Перевод А. Аквилева</i>	278
«Вот опять вздыхаешь ты о счастье...» <i>Перевод С. Давыдова</i>	279
Трасса в грядущее. <i>Перевод В. Шошина</i>	280
«Вот таких, как люди, беспокойных...» <i>Перевод А. Максаева</i>	282
«Золотое, золотое...» <i>Перевод В. Шошина</i>	283

ЗАПОВЕДИ ПОЛЯРНОГО КРУГА

«Подарю тебе ружье...» <i>Перевод В. Торопыгина</i>	286
«Слово мое — слово чести высокой...» <i>Перевод автора</i>	287
«В морозном воздухе — шорох...» <i>Перевод автора</i>	288
Поученье оленевода. <i>Перевод В. Торопыгина</i>	289
Обидчик. <i>Перевод В. Торопыгина</i>	290
«Гагара плес покинет вдруг...» <i>Перевод В. Кобракова</i>	291
Семь заповедей северной женщины. <i>Перевод Л. Сидоровской</i>	292
«Милый мой, будь верным другом!..» <i>Перевод Б. Кежуна</i>	295
Плач старой девы. <i>Перевод М. Борисовой</i>	296
Тем, кто хочет бросить пить. <i>Перевод Н. Грудиной</i>	298
Утешение внуку. <i>Перевод автора</i>	300
«Ликует мир, проснувшись поутру...» <i>Перевод автора</i>	301
Семь заповедей Полярного круга. <i>Перевод А. Аквилева</i>	302

**Юван Николаевич
ШЕСТАЛОВ**

СЛОВО ГИПЕРБОРЕЯ
Стихи

Редактор *Г. Иванов*

Художник *Л. Ажаева*

Художественный редактор *Е. Андреева*

Технический редактор *В. Флид*

Корректоры *В. Дробышева, Н. Дегтярева*

ИБ № 2948

Сдано в набор 20.10.83. Подписано к печати 14.02.84. А06748.
Формат 70×90/32. Гарнитура литерат. Печать офсет. Бумага
офс. № 1. Усл. печ. л. 11,41. Усл. краск.-отт. 39,49. Уч.-изд. л.
9,72. Тираж 10 000 экз. Заказ 3300. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
и Союза писателей РСФСР. 121351, Москва, Г-351, Ярцев-
ская, 4.

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Уп-
равления издательств, полиграфии и книжной торговли Вол-
гоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

114922006
Библиотека Югры

